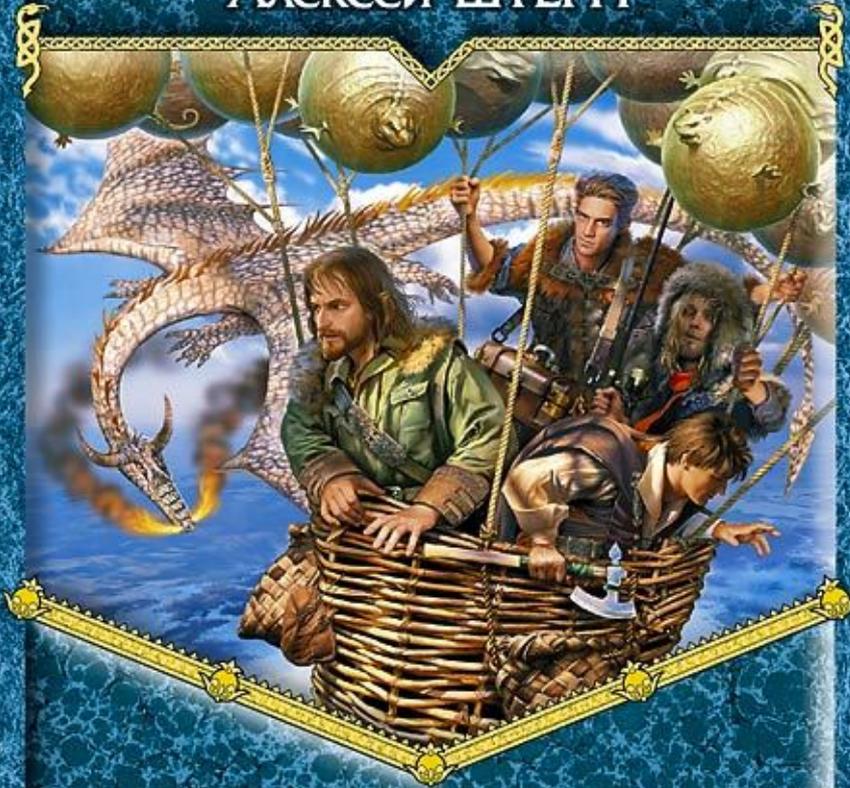

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений КОНСТАНТИНОВ,
Алексей ШТЕРН

КАК Я ИГРАЮ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Евгений Михайлович Константинов
Алексей Штерн
Как я играю!

Серия «Факультет рыболовной магии», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170651

Константинов Е., Штерн А. Как я играю!: Альфа-книга; Москва; 2008

ISBN 978-5-9922-0139-0

Аннотация

Мечтам черного колдуна не суждено было сбыться, и теперь ему остается только мстить. Мстить двенадцати избранным, тем, кто встал на его пути и остановил ужасный Прорыв. Несколько ритуальных убийств, направленное колдовство... и вот уже одни из избранных оказываются на берегах замерзшей реки, другие – в топи болот, кишящих кошмарными тварями, а третьи подвергаются преследованиям в стенах замка факультета рыболовной магии. И всем им угрожает смертельная опасность! Но все они знают, что надо делать в трудную минуту.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	33
Глава пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Евгений Константинов, Алексей Штерн

Как я играю!

Глава первая

Подстава

«Внимание! В субботу, 2 сентября состоится небывалые в истории Факультета Рыболовной магии соревнования! Одновременно доказывать свое мастерство в двух видах спортивной ловле рыбы будут второкурсники и студенты, принятые на Факультет в нынешнем году. Соревнования по спиннингу пройдут с берега в районе впадения реки Ловашня в озеро Зуро; соревнования по ловле рыбы на мормышку со льда пройдут в заливе Премудрый. Называться соревнования будут «Кубок журнала «Всегда своевременная информация». Цель данного мероприятия – выяснить, даром ли приняты на Факультет студенты первого курса...»

– Даром ли?! – лекпин Тубуз Моран, в третий раз перечитавший объявление, вывешенное на ярмарочной площади города Фалленблек, смачно сплюнул на мостовую. Тут же посмотрел по сторонам – не заметил ли кто этот, не подобающий студенту, поступок. Поблизости никого не оказалось, но он на всякий случай растер плевков ногой.

– И все из-за писаришек этих гнусявых, – ворчал Тубуз. – Понапишут всякой белиберды, а другим отдуваться приходится. Теперь, давай, бейся не на жизнь, а на смерть с зазнайками-второкурсниками, доказывай, что не зря тебя на Факультет приняли!

– А что, собственно, произошло, уважаемый? – голос за спиной заставил лекпина вздрогнуть.

Тубуз обернулся и увидел высокого старичка в дорожной одежде, опирающегося на длинную суковатую палку. Из-под широкополой шляпы путника, покрытой изрядным слоем пыли, выбивались рыжевато-седые волосы. Аккуратная бородка и усы тоже были рыжевато-седыми, старичок хитро сквозь них улыбался, поглядывая то на объявление, то на лекпина.

– Да все из-за писаришек, из-за журналюг-хитрованов произошло! – в сердцах махнул рукой Тубуз. И видя, что незнакомец, наверняка добредший в Фалленблек из очень неблизких земель, ничего не понимает, но приготовился слушать, решил рассказать поподробнее.

– У нас здесь, дедушка, с месяц назад чуть Прорыв не случился. Ну, нечисть всякая из-под воды переть начала, чтобы мир наш под себя подмять. А произошло это в то время, когда мы последний экзамен для поступления на Факультет Рыболовной магии сдавали с названием «Поймать должен каждый». Ну, и пришлось нам вместо того, чтобы рыбу ловить, экзамен, сдавая, с этим Прорывом бороться. Будь он неладен! Ну, с этой пакостью мы успешно справились, хотя и пострадавшие были, и даже погибшие. Но самое главное, что остановили мы Прорыв, катись он рыбе-домотаскателью в пасть!

Остановить-то остановили, зато экзамен провалили. То есть, аннулировали наш последний экзамен из-за, так сказать, магического вторжения параллельной реальности. И в связи с этим обстоятельством господин декан Факультета Эразм Кшиштовицкий издал приказ о зачислении на первый курс всех абитуриентов, допущенных до последнего экзамена. Не совсем правильный, скажу я вам, дедушка, приказ, хотя и сам я, благодаря нему, теперь учиться буду.

– Это как же понимать? – удивился внимательно слушавший лекпина путник.

– Да так! – взвился Тубуз. – Своим приказом разрешил наш декан учиться не только достойным рыболовам, которые по-настоящему это дело любят, но и тем, кому на настоящую спортивную рыбалку плевать, которым лишь бы хапнуть рыбки побольше, да продать подороже. Да ладно бы еще таким браконьерам господин декан дорогу на Факультет открыл, так ведь среди них и просто настоящие враги затесались! А этого с его-то опытом допускать ну никак нельзя было...

– Но он все-таки допустил, – подвинул к дальнейшему рассказу рыжевато-седовласый.

– Вот именно. Ох, ошибся наш декан, ох как ошибся, – завздыхал Тубуз. – Придется теперь вместе со всякими э-э-э... отрицательными персонажами вместе учиться.

– И поэтому ты так расстроился?

– Нет, не поэтому! И не расстроился я. Чего мне из-за какой-то зелени поганой расстраиваться?! Я вам, дедушка, здесь про писаришек говорю, про журналюг, которые всякие провокационные статьи в своих изданиях тискают. Нет, сначала госпожа Офла (несравненной красоты, я вам скажу, женщина) нормальную статью про победу над Прорывом опубликовала в своем журнале – «Всегда своевременная информация». Правда, всю заслугу в этом Офла приписала господину декану и профессорам факультетским, при этом кое-кого даже упомянуть забыла... – Тубуз сделал многозначительную паузу, но, видя, что слушатель никак на нее не реагирует, продолжил:

– Но спустя пару недель в другом журнальчике, который «Факультетский вестник» называется, вышла такая я вам скажу разгромная статья – ой-ей-ей! Такое в ней господин Репф насочинял! (Дохлую рыбу-многошилку ему под подушку!) И все про нашего господина декана Эразма Кшиштовицкого. Что, мол, господин декан своевольно нарушил правила Академии, коей неотъемлемой частью является Факультет рыболовной магии в городе Фалленблек. Что не имел он никакого права на новый курс всех без разбора принимать. И что, мол, всяким малахольным лекпинам, тупым троллям и недалеким гномам только этого и надо было, то есть, на халяву студентами Факультета стать. И что, мол, как же теперь уважаемые профессора будут обучать этих бездарей, с улицы набранных, которые не умеют толком рыбу ловить!

И такой шум поднялся из-за той статьи! Но наш господин декан, Эразм Кшиштовицкий – человек мудрый, и на всякую белиберду не отвлекается. И даже когда его герптшцог Ули-Клун пригласил в свой замок, господин декан сослался на занятость в подготовке к новому учебному курсу, другими словами, предложение это проигнорировал. Ха-ха! Всем известно, что герптшцог Ули-Клун давно мечтает на наш Факультет свои лапищи наложить. Так кто ж ему это позволит!

– Не позволят, значит? – уточнил путник.

– Нет, конечно! – вновь взвился Тубуз. – С какой стати Факультет, который Академии магический наук подчиняется, самому ректору Марк-Нейю подчиняется, должен еще чьей-то вотчиной стать?! Но я не по это вам рассказываю, а про то, что еще через неделю после выхода статьи господина Репфа (не видеть ему больше в жизни ни одной поклевки!) в журнале «Всегда своевременна информация» еще одна статья появилась, которую господин Нью накропал. Я вам, дедушка, скажу, что госпожа Офла хоть и красавица, каких во всем Фалленблеке не сыщешь, но раз такие статьи публикует, то еще и дура набитая, которых тоже поискать...

– И что же в той статье говорится?

– То и говорится, что, мол, раз первокурсники не по правилам на Факультет попали, то надо им проверку устроить. Что, мол, пусть новички с второкурсниками посоревнуются, кто из них лучше умеет рыбу ловить, и пусть эти соревнования называются Кубок журнала «Всегда своевременная информация». Ну и госпожа Офла, дура набитая, конечно за эту

идею ухватилась и специальные призы для победителей объявленных соревнований учредила, которые сам герптшцог Ули-Клун предоставил.

Зато, в отличие от Офлы, этой куклы безмозглой, декан наш, господин Эразм Кшиштовицкий далеко не дурак. Соревнования на кубок ВСИ он, конечно, провести согласился, в противном случае многие бы его не поняли, за труса бы посчитали. Ведь многие (и я в том числе) на Факультет только благодаря рыболовному спорту поступают. Но от призов герптшцогских наш декан категорически отказался. Объявил, что соревнования эти не ради призов устраиваются, а исключительно, чтобы показать новичкам (нам, то есть) чему даже за один год можно на Факультете научиться.

– И как же на это герптшцог отреагировал? – задал старичок сам собой напрашивающийся вопрос.

– Обиделся Ули-Клун – жуть! Ха-ха-ха, – Тубуз заметно повеселел. – Что тут было, расскажу я вам...

– Так-так-так, – приготовился слушать старичок.

– Решил, значит, господин герптшцог с деканом тет-а-тет поговорить. Ха – поговорить! Иди, попробуй-ка, поговори с господином деканом, Эразмом Кшиштовицким без его желания! А приехать к главным воротам замка с какой-то дурацкой охраной и попытаться без разрешения проникнуть на территорию Факультета рыболовной магии вообще бессмысленно...

– Ты, лекпин, загадки-то не городи, рассказывай по-простому, что там было-то?

– Ой, что было! – Тубуз театрально схватился за голову. – Я как раз при всем при этом присутствовал, поэтому рассказываю, как очевидец.

Приехал, значит, герптшцог Ули-Клун в карете своей герптшцогской к главным воротам факультетского замка. Его карету ни с какой другой не спутаешь: вся в синие и оранжевые цвета раскрашена, а эмблема у герптшцога – три восьмерки. Приехал, конечно, в сопровождении личной охраны во главе ни с кем иным, как с начальником стражи, господином Еновармом. Тот еще, скажу я вам, дедушка, субъект...

Еноварм на своей любимой повозке впереди ехал и, конечно, первый у ворот факультетских оказался. А ворота-то закрыты, да не просто закрыты, а их к тому же еще и два магостража тролля охраняют. То есть, пройти-то в замок можно через калиточку, а вот проехать – только по особому разрешению декана. Вообще-то, дедушка, тролли обязаны досматривать каждого, кто в замок входит, но на самом деле никого они не досматривают, а все больше дремлют, или вообще спят на своем ответственном посту. Ну и слава Светлой воде, пусть себе спят, а то с этими досмотрами мороки не оберешься...

Так вот, подъехала эта кавалькада герптшцогская к воротам, и тут господин Еноварм как заорет: «Открывай, по-бырому, ворота, троллье племя безмозглое! Не видите, енотовидные, что сам герптшцог Ули-Клун едет?!»

Ха! Привык этот Еноварм на своих подчиненных, да простых горожан орать, привык, что все его слушаются. А тролли-магостражники – на него никакого внимания, даже не пошевелились, как дремали, так и продолжают дремать.

Тогда Еноварм с повозки прыгнул, к троллям подскочил и пуще прежнего орать: «Вы чегой-то, безмозглые, на мой приказ не регистрируете? Ну-ка регистрируйте по-бырому! Ну-ка открывай ворота, обломай вас жареный тритон!!!»

Шум, гам! Другие стражники герптшцогские вместе с первым еновармовским помощником Тасманом Младшим суетятся, тоже на троллей во все глотки орут. А тролли, скажу я вам, дедушка, спокойные такие ребята. Я, кстати, обоих неплохо знаю, и магостража пятого уровня Е-Лазута и его помощника магостражника Поско. Помню с этим Поско я неплохо...

– И что же магостаржники? – не дал увести разговор в сторону путник.

– Молодцы магостражники, вот что! Когда от криков Еноварма и его помощничков начали барабанные перепонки лопаться, Е-Лазут, вроде бы как ото сна очнувшийся, сказал чего-то своему помощничку, и Поско не только ворота не открыл, но еще и калитку запер, чтобы никто в факультетский замок даже пройти не смог. После этого тролли алебарды свои скрестили и застыли, как изваяния.

Герптшцогу эта комедия быстро надоела, позвал он к себе Еноварма и что-то на ушко прошептал, по его кожаному шлему постукивая. Тогда Еноварм на свою повозку забрался и направил лошадей прямо на магостражу! Не иначе, чтобы спровоцировать их к применению оружия.

А тролли-то, скажу я вам дедушка, ну и хитрованы! Они лошадей не трогали, нет, они просто взяли, да и дыкнули им в ноздри. Дыхание-то тролльское, сами, поди, знаете, какое иногда бывает мерзкое. Ну и лошаденки бедненькие, как заржали, да как встали на дыбы, да как понесли, – господин Еноварм аж из повозки вылетел и головой о мостовую приложился. Если бы не шлем, даже не знаю, что от головы начальника герптшцогской стражи осталось бы, а так – только сознание ненадолго потерял.

Видя такое дело, господин Ули-Клун решил лично троллей вразумить. Вскочил в своей карете и давай кричать: «Сию же минуту пропустите меня, губернатора Фалленблека, герптшцога Ули-Клуна к Эразму Кшиштовицкому, хозяину замка, который находится на территории моего города!»

Но Е-Лазут недаром самый высший чин магостражников носит. Он все правила факультетские на зубок знает и, несмотря на то, что тролль, без запиночки так отвечает: «По установленным канонам никто не имеет права без соответствующего приглашения совершать визиты господину декану Эразму Кшиштовицкому. Если господин декан пожелает, то сам вызовет к себе Ули-Клуна для беседы. А сейчас пропустить мы вас не можем!»

Ха! Видели бы вы, дедушка, во что после этой речи превратилось лицо господина герптшцога! В красный маринованный помидор! Ха-ха-ха! Я думал, что он лопнет от злости. Но тут Еноварм очнулся и сразу же на троллей набросился, а за ним и другие стражники. Хорошо хоть у герптшцога ума хватило крикнуть, чтобы они оружие в ход не пускали, тогда бы наверняка дело до смертоубийства дошло. А так начали магостражи герптшцогских стражничков метелить направо и налево, только их погрыкивания слышны были, да шлепки тел о мостовую.

Господин Еноварм вздумал плеткой своей размахивать, но что для тролля какая-то там плетка? Поско (не гляди что молодой тролль), как схватил своей огромной лапищей начальника стражи за загривок, как приподнял над землей, пару раз встряхнул, да как зашвырнул его прямехонько в карету герптшцогскую! Едва самого Ули-Клуна не пришиб!!! Думаю, после этого у герптшцога всякая охота отпала без приглашения в факультетский замок навещать и с деканом тет-а-тет разговаривать. А тут еще Поско подошел к лошадям, в карету запряженным, да как еще раз дыкнет им в ноздри, так те, словно бешеные, с места в карьер взяли, и, видать, галопом до самого дворца герптшцогского неслись! Вот так-то, дедушка! – не без удовольствия закончил рассказ Тубуз.

– Стало быть, без особого приглашения на прием к Эразму Кшиштовицкому не попасть, – вздохнул путник. – Стало быть, просто так с деканом и не поговоришь...

– Да вы не бойтесь, дедушка, – улыбнулся Тубуз. – Декан наш хоть и пафосный, то есть, весь такой из себя, но с другой стороны – нормальный мужик. Это он с герптшцогом дистанцию официальную держит, а с простыми людьми и даже с лекпинами или, к примеру, с гномами, очень даже на короткой ноге...

– Да я – то не боюсь, уважаемый. Это ты, гляжу, испугался с второкурсниками соревноваться?

– Я? Испугался?! – воскликнул Тубуз. – Да я лично любого из второкурсников порву! Но для других-то новобранцев это подстава настоящая. Господин Нью, конечно, не дурак, хоть и полный придурок, раз удосужился на второй год остаться. Но все равно, год учебы на Факультете что-нибудь да значит. Естественно, он многих рыболовных навыков поднабрался, да и все второкурсники тоже опыт немалый приобрели, не то, что мы, молодежь. Поэтому преимущество у второкурсников колоссальное. Но, знаете, дедушка, что я вам скажу?

– Ну, и что же ты мне скажешь, отважный лекпин? – доброжелательно улыбнулся тот.

– Я и мои друзья все равно второкурсников порвем! – Тубуз даже подпрыгнул, потрясая кулаками.

– Это почему же? – удивился дедушка.

– Да потому что, как говорит мой друг Алеф по прозвищу Железяка, на рыболовных соревнованиях побеждает не тот, кто больше учился, или кто лучше водоем знает, или у кого снасти богаче, а тот, кому с рождения дано лучше других рыбу ловить.

– Так значит, тебе с Железякой и твоими друзьями это дано?

– Дано! – гордо вскинул голову Тубуз.

– Что ж, дано, так дано, – не стал углублять эту тему путник. – Но вот смотри, какая, как ты говоришь, «подстава» получается. Если новобранцы победят второкурсников, то, выходит, профессора во главе с господином деканом плоховато тех учили. А если второкурсники разделают новобранцев под орех, то, выходит, Эразм Кшиштовицкий ошибку допустил, когда на Факультет всех без разбора зачислял. А? Куда ни кинь – всюду клин получается, в любом случае господин декан виноват окажется. А? Что рот-то разинул?

– М-да, – выдавил из себя Тубуз. – По-вашему, дедушка, выходит и так плохо, и так не очень хорошо? И как же нам теперь соревноваться?

– А ты сам своей головой подумай, отважный лекпин, – сказал тот. После чего развернулся и пошел по ярмарочной площади, как-то по-молодому выпрямив спину.

* * *

– Куда же это я отцепчик подевал? – вновь и вновь бормотал под нос лекпин Алеф по прозвищу Железяка, нервно ощупывая многочисленные карманы своей рыболовной жилетки.

Алеф очень не любил, если не сказать – ненавидел, терять что-нибудь из рыболовного снаряжения и очень расстраивался, если пропадали пусть даже самые незначительные рыбацкие причиндалы. Ему казалось, что эти вещи-вещички обладают своей собственной жизнью, а их утеря приносила им смерть. Поэтому по сравнению с пропажей, допустим, денег, пропажа, допустим, мормышки (упаши от такого несчастья Светлая вода) становилась для него настоящей трагедией.

А тут пропал отцеп! Важнейший предмет снаряжения рыболова-зимника, с помощью которого можно было доставать из-под льда мормышки, зацепившиеся за придонные коряги! Отцеп представлял собой маленький, но тяжелый медный цилиндр, с проволочным кольцом с одной стороны и маленькой проволочной же петелькой с другой. Благодаря нему Алеф сохранил не один десяток драгоценных мормышек. И вот отцеп, словно сквозь землю провалился, причем, как раз накануне ответственных соревнований...

Сегодня, 1 сентября он посетил первые занятия на Факультете рыболовной магии. Собственно, занятий, как таковых, не было. Всех первокурсников собрали в главном зале Факультета, декан Эразм Кшиштовицкий поздравил студентов с началом учебного курса и лично вручил каждому удостоверение учащегося ФРМ. Затем напомнил, кто, на каком отде-

лении будет учиться, представил педагогов-профессоров, рассказал, какие теоретические и практические предметы придется пройти на первом курсе.

А затем неожиданно для всех декан объявил о соревнованиях на приз журнала «Всегда своевременная информация», которые должны состояться на следующий день, и в которых первокурсникам предстояло соперничать со студентами второго курса.

Нельзя сказать, что это известие всеми студентами без исключения было принято с большим восторгом. Кто-то принялся высказывать недовольство, что о соревнованиях объявляют так поздно, не оставляя времени для тренировок, другие возмущались тем, что это нарушает их субботние планы, третьи – что опытные второкурсники имеют огромное преимущество...

Эразм Кшиштовицкий, как всегда, быстро пресек поднявшийся гвалт и сказал примерно следующее. Участие в соревнованиях – дело добровольное, спиннингистам и зимним мормышечникам, желающим защитить честь курса, предлагается внести свои имена в список участников и выйти на сегодняшнюю вечернюю тренировку. Утром, перед стартом среди них будет проведена жеребьевка, по результатам которой выявятся составы «летней» и «зимней» команд.

Декан еще не закончил свою речь, а Железяка уже стоял перед трибуной с поднятой рукой, требуя записать его в добровольцы первым. Записавшись и получив соответствующую бирочку с номером «1», лекпин со всех ног помчался на берег озера Зуро, в залив Премудрый, где увидел факультетских магов, всюду трудящихся над возведением ледяного панциря. С не меньшей скоростью он помчался домой, готовиться к тренировке, первым делом проверил снасти и сразу обнаружил пропажу отцепа.

Железяка не понаслышке знал, как много на дне Премудрого имеется старых пней, коряг, веток, камней. Без отцепа там никак не обойтись. Он в сто первый раз проверил карманы, надеясь, что отцеп каким-то волшебным образом вдруг возникнет в одном из них, но чуда не произошло.

В это время в дверь лекпинского домика постучали. Железяка поспешно сбросил разложенные на столе рыболовные принадлежности в большой ящик, прикрыл его крышкой и задвинул под кровать. И только после этого спросил:

– Кто там?

Вместо ответа дверь приоткрылась и в щель просунулась голова его лучшего друга Тубуза Морана.

– Ну, что, припрятал барахлишко-то свое рыболовное, – хитро улыбаясь, обвел тот глазами комнату. – Заходить-то можно теперь?

– Чего лишние вопросы задаешь! – недовольно отмахнулся Железяка. – Расскажи лучше, что нового в городе слышно.

– А, что слышно, – Тубуз по привычке сел не на свободную табуретку, а на застеленную красочным покрывалом кровать. – Все только о Кубке ВСИ и говорят. Сейчас на ярмарочной площади докопался до меня один старикан, расскажи, мол, что происходит. Ну, я ему битый час объяснял все, втолковывал, а он вдруг взял, да и согласился со мной, что соревнования эти – подстава.

– Подстава, – согласно закивал головой Железяка и вновь принялся машинально ощупывать карманы жилетки. – Самая настоящая подстава и есть.

– Ты это о чем? – непонимающе посмотрел на друга Тубуз.

– Да, понимаешь, отцепчик мой куда-то подевался. Не по себе мне от этого, – Железяка живо представил, что любимый отцеп лежит где-нибудь втоптаный в грязь, или еще хуже, кто-то успел его найти, чьи-то незнакомые руки к нему прикасаются...

– Сочувствую я тебе, – вздохнул Тубуз.

– И главное, пытаюсь память напрячь, когда и где я его в руках держал, и ничего не получается, словно мозги кто-то затуманил.

– Сочувствую, – повторил Тубуз. – В Премудром на дне хлама полным полно, не имея отцепа, совсем без мормышек останешься. Давай я тебе свой отцеп одолжу. Он, правда, корявый и ржавый весь, ты ведь знаешь, я зимой редко рыбу ловлю...

– Зачем же мне, дружище, на соревнованиях корявый да ржавый отцеп? – Железяка присел на кровать рядом с Тубузом и положил тому на плечо руку. – Пойду-ка я, пожалуй, к господину Казимиру на поклон, попрошу одолжить мне подходящий отцеп.

– Ха, Казимир, да одолжит?! Ты, что, дружище, этого скупердя не знаешь?

– Попробую все-таки попросить, – с почти угасшей надеждой в голосе сказал Железяка.

* * *

«Порву, порву, порву, всех порву, всех... – твердил про себя Тубуз Моран, направляясь после визита к другу Железяке на берег Ловашни, где в скором времени должна была начаться официальная тренировка. – Это неважно, что второкурснички целый год на Факультете отучились. По учебникам ловить не научишься, здесь надо... надо... В общем, на рыбалке бывать надо чаще и рыбы ловить больше!»

Тубуз не стал заходить домой, чтобы взять снасти. Он не видел смысла тренироваться на Ловашне – реке, на которой ловил рыбу, можно сказать, с пеленок. Лекпин знал в ней каждую ямку и подводный бугорок, каждую затопленную коряжку. Начни сейчас ловить в Ловашне, и конкуренты-второкурсники не преминут подсмотреть, что за приманки он использует, в какие места забрасывает, какую применяет проводку... Конечно, можно было бы ввести соперников в заблуждение, специально привязав к леске самую неподсекающую блесну. Но ведь все может случиться, вдруг именно на эту неподсекайку попадет хорошая рыба, вдруг во время соревнований кто-то станет ловить на такую же и умудрится тоже поймать! Нет уж, лучше пассивно понаблюдать за тем, как тренируются другие, и вывести секреты у них.

Что-то неладное Тубуз почувствовал, вернее, услышал, как только впереди показался мост через Ловашню. Тот самый мост, через который не далее как полтора месяца назад начальник герптшцогской стражи Еноварм вез в повозке его самого и тролля Пуслана, арестованных по подозрению в убийстве господина Воль-Дер-Мара.

Сейчас Тубуз слышал незнакомый шум. Нет, подобный шум лекпину доводилось слышать и раньше, к примеру, во время экзамена с названием «Угости рыбкой», когда Тубуз и Железяка ловили форель в горной речке. Но не может же так шуметь тихоня-Ловашня, еще несколько часов назад спокойно несущая свои воды в озеро Зуро!

Лекпин прибавил шаг, почти бегом выбежал на мост и... Удивлению Тубуза не было предела – с детства знакомая равнинная река превратилась в бурлящий поток с извилистым руслом, стремнинами, перекатами, небольшими водопадами!

– А чего это господин новобранец сегодня без снастей? – услышал Тубуз слегка насмешливый голос. Три второкурсника-гнома, три родных брата – Мэвер, Жэвер и Дэмор, хорошо знакомых ему по посиделкам в трактире «Две веселые русалки», тоже остановились на мосту, но в отличие от лекпина в руках у них были снаряженные спиннинги, на ногах – сапоги, за спинами – ручки телескопических подсачеков.

– А чего это он так растерянно на речку глядит? – вновь спросил Жэвер у братьев.

– Видать, никак врубиться не может, что с нашей Ловашней произошло, – жалостливо улыбнулся Дэмор.

– А что с ней произошло? – захолопал ресницами лекпин. – Я сегодня здесь проходил, и все было, как обычно, а тут...

– Маги поработали, – пояснил Мэвер – младший из братьев. – Специально. Чтобы во время соревнований ни у кого преимуществ не было. Они не только речку изменили, но и рыбу. Так что привычных окуней и щук поймать здесь даже не надей... – гном не закончил фразу, получив с двух сторон тычки от Жэвера и Дэмора.

– Так, чего же это я сюда без всего приперся? – спросил Тубуз то ли у гномов, то ли у себя самого. И, схватившись за голову, помчался домой за снастями.

* * *

В лавке «Настоящая магическая рыбалка», что находилась на первом этаже двухэтажного каменного дома на улице Дарош, царил приятный полумрак. Ярко освещены были только стеклянные витрины, на которых красовались всевозможные крючки, мормышки, поплавки, блесны и прочие рыболовные принадлежности. Это было сделано специально, чтобы взгляд останавливался на самом дорогом товаре. А уж убедить покупателя, что тому нужен именно этот товар, хозяину лавки, господину Казимиру не составляло большого труда. Имея множество знакомых среди жителей факультетского замка, смекалистый продавец частенько вворачивал в беседу с покупателями примерно такие фразы: «Сам Жэнуа фон дер Пропст использует этот воблер для форели», или «Господин декан предпочитает именно эту леску», или «Скажу вам по секрету, что эта мормышка запрещена на факультетских соревнованиях, как сверх уловистая»... Мысли покупателей моментально затуманивались перспективой на первой же рыбалке стать обладателями огромных уловов, и денежки из их карманов благополучно переключивались в тугий кожаный кошелек господина Казимира.

Однако, не покрывя душой, можно было сказать, что товары в лавке «Настоящая магическая рыбалка» действительно были хороши, и действительно многие студенты и преподаватели Факультета отоваривались именно здесь. За исключением, пожалуй, декана Эразма Кшиштовицкого, которому все рыболовное снаряжение поставляли гномы по его личному заказу.

Господин Казимир сам был не прочь половить рыбку, причем, и летом, и зимой. Обязательно принимал участие во всех городских и некоторых открытых факультетских соревнованиях и даже иногда занимал призовые места, в подтверждение чему на стенах лавки, на самых видных местах были развешаны, взятые в дорожные рамки, дипломы и грамоты, а в центральной, самой большой витрине поблескивали позолотой два кубка, вокруг которых были разложены различного достоинства медали. Он был обычного для гномов роста, очень крепкого телосложения и с виду больше всего походил на небольшого медведя, весьма, кстати, проворного.

Глаза хозяина блеснули под полуприкрытыми веками, когда за несколько минут до закрытия лавки колокольчик над входной дверью призывно звякнул, но, увидев, что потенциальный покупатель никто иной, как молодой небогатый лекпин, Казимир потерял к нему интерес еще до того, как тот дошел до витрины.

– Господин хозяин лучшей в мире лавки рыболовных товаров, Казимир, у меня к вам письмо! – выпалил Алеф (а это был именно он).

– Письмо? От кого, юноша? – Казимир перегнулся через прилавок, глядя на лекпина сверху вниз.

– От, гм, – лекпин немного замялся, – от студента Факультета рыболовной магии, ветеринара Мак-Дина. Он еще на словах просил вам привет передать.

– Ну, давай письмо, давай, – протянул руку Казимир.

Алеф передал запечатанный конверт и стал смотреть, как хозяин лавки его открывает, достает листок и внимательно его рассматривает, при этом, покусывая нижнюю губу. Вот только листок он держал вверх ногами, – слухи, что один из самых богатых гномов Фалленблека не умеет читать оказались верными.

– Ты еще здесь? – глаза Казимира пробуравили лекпина.

– Господин Казимир, ну, он ему очень необходим!

– Кто кому необходим, юноша?

– Так ведь господин Мак-Дин все там написал, – Алеф кивнул на письмо.

– Да я и сам вижу, что, кхе-кхе, написал. Хотя так плохо написал, что ничего не разобрать. На-ка, почти мне его вслух, – Казимир протянул листок лекпину.

– Дорогой, Казимр! – принялся читать тот. – Закатывая глаза от удовольствия, вспоминаю прекрасные часы, проведенные с тобой в обществе двух особ русалочьего вида, и мечтаю повторить ту незабвенную пирушку, как только появится хоть немного свободного времени.

Навсегда остаюсь твоим другом, Мак-дин.

Да, чуть не забыл обратиться к тебе с нижайшей просьбой. Не мог бы ты передать мне через лекпина Алефа по прозвищу Железяка отцеп для мормышек? А денежки я тебе потом вручу при личной встрече...» – Алеф читал неторопливо, с выражением. Закончив, с надеждой посмотрел поверх письма на нахмурившегося хозяина лавки.

– Отцеп для мормышек?! – воскликнул тот. – Зачем докторишке, который рыбу только на спиннинг ловит, отцеп для мормышек? Да еще и с оплатой «потом, при личной встрече»!

– Так ведь, господин Казимир, видите ли, тут дело такое гм-м... деликатное... Наш ветеринар, ваш друг, господин Мак-Дин – вы сами знаете, какой охотник до женского пола. Вот и сейчас у него такая, гм, не совсем стандартная интимная ситуация возникла с очередной особой, гм... не совсем человеческой наружности. В общем, застрял он... там, то есть, зацепился, ну, сами понимаете, чем... И просил вам передать, что без отцепа ему никак не освободиться... – Железяка даже покраснел от смущения.

– Хе-хе-хе, – хозяин лавки расплылся в довольной улыбке. – А может, не давать докторишке отцепчик? Как он тогда вывернется?

– Не знаю, – пожал плечами железяка. – Но господин Мак-Дин очень вас просил, и голос у него такой жалостливый-жалостливый был!

– Хе-хе, – Казимир перегнулся через прилавок и, словно кто-то мог их послушать, прошептал:

– А с кем он так попал-то?

– Не могу знать! – по-военному ответил Железяка. – Не видел. Господин Мак-Дин со мной через щелочку в двери разговаривал.

– От, дает, докторишка! – Еще шире расплылся в улыбке Казимир. – Ну да ладно, выручу его по старой дружбе! – Он порылся в ящике и протянул лекпину сжатую в кулак руку:

– Подставляй ладони!

Железяка сложил ладошки лодочкой, и в них из рук хозяина лавки выпал маленький, но тяжелый цилиндрок. Отцеп!

– Передай докторишке, чтобы с должком не затягивал, – сказал Казимир, не заметив блеск, появившийся в глазах лекпина. – И еще скажи ему, что только монетой он от меня не отделается. Следующая пирушка полностью за его счет!

Глава вторая

Сны на грани бодрствования и бодрствования на грани снов

- Вот то, что ты просил, о, Гуру, – в протянутой руке, освещенной лунным светом, блеснул маленький цилиндрический предмет. – Я отдаю тебе это!
- Ты ничего не перепутал, зеленый? Это точно ЕГО вещь?
- Да, о, Гуру, я стянул это из его дома...
- Болван! В его доме могут быть не только ЕГО вещи!
- Не беспокойся, о, Гуру. Я видел, как перед началом третьего экзамена, он убрал эту вещь в свой сейф.
- Хорошо, давай эту вещь сюда. Теперь иди и затаись на время, ты выполнил мою волю!

* * *

Всю ночь перед соревнованиями Железяка проспал, тревожно ворочаясь и обливаясь потом. Лекпину приснился всего лишь один сон, причем, сразу, как только он уснул, но в оставшиеся ночные часы последняя картинка сновидения повторялась вновь и вновь, вновь и вновь...

С самого начала сон был какой-то слишком яркий, все в нем было вычурно: слишком голубое небо, до невозможности зеленая трава, в которой пестрели ярко-красные и ярко-желтые цветы, а вокруг них порхали чересчур пестрые бабочки, на крыльях которых даже белые полоски словно светились изнутри.

И хотя такое многообразие яркости не могло не сулить ничего кроме приближения праздника, что-то тяготило лекпина. Он шел по краю цветущего луга, беспокойно оглядываясь и сжимая в руках снаряженный спиннинг, к тонкой леске которого была привязана маленькая вращающаяся блесна. Шел и удивлялся, откуда этот спиннинг взялся, ведь он и ловил-то на эту снасть от силы раз пять и никогда не имел собственных спиннинговых принадлежностей.

Железяка приблизился к каменной запруде, перегораживающей неширокий овражек. Благодаря ей, образовалось озерцо с чистой, отливающей бирюзой водой. И еще запруда служила мостом через овраг. Лекпин дошел до ее середины, где из трубы вытекала тонкая струйка воды, чтобы упасть на дно оврага и продолжить свой путь журчащим ручейком, и остановился, полюбоваться открывшимся видом. Пройдя по склонам оврага, можно было бы собирать грибов, а спустившись вниз обнаружить заросли малинника. В озерце же, наверняка, водилась рыба, а еще в нем можно было искупаться, да и просто посидеть на берегу, отдохнуть, прежде чем вновь начать рыбачить...

Руки лекпина сами отвели назад спиннинг и сделали заброс. Маленькая, но тяжелая блесна, сверкнув золотом в солнечном луче, полетела далеко-далеко, с тихим всплеском упала в воду и... Цветные краски мигом исчезли, все вокруг стало черно-белым, блеклым и скучным. Но исчезли не только яркие краски; из цветущего летнего утра Железяка оказался в увядающем вечере поздней осени, когда холодный ветер гоняет рваные остатки листвы, когда немощенные дороги превращаются в непролазные топи, а из угрюмого темно-серого неба вот-вот начнут падать первые снежинки...

Какая уж тут рыбалка! Алеф поежился и закрутил катушку спиннинга, чтобы побыстрее вытащить блесну и бежать домой. И сразу же какое-то темное существо поднялось из

глубины озера, схватило блесну, резко дернуло и оставило в руках лекпина только обломок спиннинга.

На этой горестной ноте сновидение обрывалось, чтобы через некоторое время Железке вновь приснилось серое позднеосеннее озеро, поклевка неизвестного подводного существа и треск ломающейся снасти...

* * *

Тубуз Моран долго не мог заснуть этой ночью. В тысячу первый раз перебирал коробки с блеснами, сортировал приманки по цвету, весу, размеру, особенностям игры; проверял, не затупились ли на них крючки, и если требовалось, брал в руки оселок и доводил их до остроты иголки. Долго возился с единственной, имеющейся в арсенале, безынерционной катушкой, разбирая, смазывая трущиеся детали, и вновь собирая ее; смотрел, хорошо ли намотана леска на основную и запасную шпули. И все время думал, думал...

«Легко мне было говорить старику там, на ярмарочной площади, что мы второкурсников порвем, – корил он себя. – А вот как это сделать?»

Тренировка пошла насмарку. Тубузу так и не удалось разобраться в особенностях новой, измененной факультетскими магами, Ловашне; он абсолютно не понял, где и как в новом русле рассредоточилась рыба, и на какие приманки она предпочитает клевать. Более того, лекпину пришлось расстаться с несколькими уловистыми блеснами, которые намертво цеплялись за появившиеся в реке коряги. Воблеры он даже побоялся привязывать – запас этих дорогуших приманок и без того был невелик.

Сообразив, что самостоятельно разобраться в сложившейся обстановке не получится, Тубуз стал ходить и смотреть, как ловят второкурсники. Но, в отличие от недавних абитуриентов, мечущихся по берегу реки в тщетных попытках поймать хотя бы один хвостик, второкурсники в подавляющем большинстве тоже не ловили, а наблюдали. А из тех, кто забрасывал снасть, рыбу никто не вытаскивал и даже не подсекал, но по взглядам, которыми нет-нет да обменивались завтрашние конкуренты, Тубуз подозревал, что второкурсники не лыком шиты и наверняка, как говорится, «просекли фишку».

Почему они не ловят рыбу, Тубуз догадался, – старшие студенты сняли с приманок тройники, и рыба, если даже и хватала их, то, естественно, не засекалась. Афишировать же, в каких местах и на какие приманки случаются поклевки, второкурсники не желали, хотя Тубуз и пытался по-свойски выведать у них хоть что-нибудь. Больше всего лекпина обидел и даже разозлил своими ответами гном Мэвер.

Минувшим летом, да и прежде Тубуз и Мэвер частенько отправлялись поспиннинговать вдвоем, иногда даже ловили в одной лодке. И всегда Тубуз бесхитростно делился с приятелем рыбацкими секретами. И теперь уж кто-кто, а Мэвер просто обязан был открыть Тубузу хотя бы некоторые тайны новой Ловашни. Но на все расспросы лекпин получал лишь общие, ничего не стоящие, ответы.

– Поклевывает? – с надеждой спрашивал Тубуз.

– Поклевывает, – отвечал Мэвер.

– А на что?

– Да на все!

– На блесну?

– И на блесну.

– А на какую, на белую?

– На белую.

– А на желтую?

– И на желтую.

- А на воблер клюет?
- Клюет.
- А где?
- Да везде...

Не выдержав подобного издевательства, Тубуз махнул на неблагодарного приятеля рукой и пообещал про себя ни в жизнь ничего больше ему не рассказывать. В отчаянии лекпин снизошел до того, что поинтересовался успехами у тренировавшегося по соседству господина Нью, которого никогда не считал за серьезного рыболова, и который доказал свою рыбацкую несостоятельность, завалив переходные экзамены и оставшись на второй год. Но господин Нью прикинулся глухим и, вытащив из воды приманку, сорвался с места, помчался вверх по течению, перебежал Ловашню по мосту и продолжил ловлю с противоположного берега.

Между тем, начало смеркаться, факультетские маги уже принялись ставить на преобразованную реку защиту от ночных браконьеров и рыболовов, и вскоре тренировка закончилась. Расстроенные первокурсники еще некоторое время ходили по берегу Ловашни, совещались, но какой-то определенной стратегии и тактики на предстоящие соревнования не выбрали...

Еще Тубуз думал о Буське – молоденькой гномихе из клана Ватрангов. Лекпин очень сильно удивился, увидев ее среди пришедших на тренировку спиннингистов. Гномы вообще не особо жаловали спиннинг, разве что в последнее время заразились безумной идеей вышеупомянутого господина Нью, который, с усердием, достойным лучшего применения, пропагандировал спиннинговую ловлю под землей. Да еще, как исключение, были гном Мэвер с братьями, встретившиеся ему сегодня на мосту. А тут вдруг – девица со спиннингом в руках! К тому же выяснилось, что учится Буська на одном курсе с Тубузом, на одном с ним отделении, да еще и на предстоящих соревнованиях им, возможно, придется выступать за одну команду!

Она сама подошла к нему, когда запыхавшийся Тубуз примчался на берег Ловашни, где уже вовсю шла тренировка, и торопливо принялся собирать снасть...

– Здравствуйте, господин лекпин, – поздоровалась гномиха.

– Привет, – буркнул Тубуз. Все его мысли крутились исключительно вокруг предстоящей рыбалки: соединить два колена спиннинга, проверить соосность пропускных колец, закрепить катушку, продеть в кольца леску, привязать к ее свободному концу поводок, выбрать приманку, на которую разумнее всего начать ловлю...

– Господин лекпин желает выловить серебристого рыбодракона?

Тубуз поднял голову, узнал Буську и не нашелся, что ответить.

– Очень похвальное желание, – с серьезным выражением лица сказала Буська, – поймать рыбодракона и вернуть туда, откуда господин лекпин его похитил.

– Я... э-э-э... – только и смог выдавить из себя сразу побледневший Тубуз, понимая, что, раз его узнала официантка из ресторана «Золотой шлем герптшцога» (который по его милости пришлось закрыть на долгосрочный ремонт, и у хозяина которого имелись к нему огромные финансовые претензии), то ходить ему на свободе осталось столько времени, сколько потребуется этой Буське для того, чтобы указать на него первому попавшемуся стражнику.

Долго смотреть на вытянувшуюся физиономию лекпина у Буськи не хватило сил, и она прыснула в кулачок, а потом залилась звонким смехом.

– Ты чего? – не понял Тубуз ее веселости.

– А то, что уволил меня из ресторана мой дедушка, Ватранг семьдесят четвертый. Оставил, можно сказать, без средств к существованию. И все благодаря одному молодому лекпину...

– То есть, благодаря мне? – бледность Тубуза сменила краска стыда. – Почему же ты смеешься?

– Нравится мне смеяться – вот и смеюсь, – задорно склонила голову на бок Буська. – Да не переживайте так, господин лекпин. Кроме меня вас в ресторане никто не запомнил. А дедушка и все остальные после той статьи в журнале поверили, что похититель серебристого рыбодракона погиб вместе с ним в ту самую ночь.

– И-и-и... что же теперь?

– А, что теперь? – деланно изумилась Буська. – Бойтесь, что я открою вашу страшную тайну?! Ха-ха-ха-ха... Не бойтесь, никогда я вас не выдам. Надоел мне этот «золотой шлем» так, что я и сама давно была готова из него уйти. Тем более, я учиться на Факультет поступила.

– Это мой дядя Часок погиб, – неожиданно признался Тубуз. – Его гоблины убили вместе с тетушкой Оманидэ, а потом их дом подожгли. А серебристого рыбодракона я в Ловашню отпустил, и он потом меня от этих тварей зеленых спас...

– Вот, значит, как, – сразу посерьезнела Буська. – Ладно, что это мы все разговоры разговариваем, пора бы и рыбу ловить...

Гномиха оставила Тубуза одного, и он про нее забыл, полностью отдавшись тренировке. И только поздним вечером они вновь встретились в трактире «Две веселые русалки», куда расстроенный лекпин заглянул, чтобы попустить пару кружечек факультетского Темного Терпкого. С пенящейся кружкой пива в руках Буська сама подседа к нему за столик.

– Ну, что, господин лекпин, просекли фишечку? – поинтересовалась она, пригубляя пиво.

– Как же, просечешь тут! – в сердцах махнул рукой Тубуз. – Второкурсники, – вот они действительно фишку просекли. Только из них ни из кого слова не вытянешь, – сговорились, хитрованы. Боюсь, порвут они нас завтра!

– Неужели господин лекпин так ничегошеньки не придумал? – изумилась Буська и хихикнула.

– Как же, придумаешь тут, – Тубуз приложился к кружке и залпом ее осушил. – Ты сама-то хоть одну рыбку поймала?

– Не поймала, – призналась Буська. – Зато фишечку, кажется, просекла...

– Врешь! – стукнул лекпин кулаком по столу и еле успел подхватить готовую перевернуться вторую кружку с пивом, намочив пеной рукав куртки и тем самым заставив гномиху и вовсе расхохотаться.

– Зачем же мне обманывать своего товарища по команде? – возразила она и, протянув кружку, чокнулась ею с кружкой Тубуза.

– И в чем же по твоему фишка? – недоверчиво поинтересовался он.

– А вы не кричали бы во весь голос, господин лекпин, – зыркнув по сторонам, посоветовала Буська, и в своей манере отпила полплотка пива.

Тубуз тоже огляделся. Народа в трактире хватало, и у каждого посетителя имелась пара ушей.

– Ты вот что, – он перегнулся к гномихе через стол, – во-первых, прекрати меня «господином» называть. А во-вторых, могла бы и поделиться секретами с товарищем по команде!

– Хорошо, молодой лекпин, – вновь хихикнула Буська.

– Да при чем здесь – молодой?! – возмутился Тубуз. – Я же не называю тебя «молодая гномиха»! Вот и ты зови меня просто по имени. Которое ты прекрасно знаешь.

– Хорошо, – согласилась она, и когда сел обратно, с улыбкой добавила, – Тубузик.

Он открыл, было, рот, чтобы все-таки объяснить, как правильно звучит его имя, но Буська успела сказать чуть раньше:

– У второкурсников есть воблеры магически заговоренные, которые на магически измененных водоемах оказываются самыми уловистыми!

Тубуз так и застыл с открытым ртом. А Буська продолжила:

– Их этому в конце первого курса обучили – прививать рыбообразным воблерам, вырезанным из молодых побегов прибрежной ивы, различные «вирусы нервного поведения жертвы». При проводке от такого воблера исходят магические волны, воспринимаемые хищной рыбой, как импульсы страха, и она не может удержаться от нападения...

– Где же нам теперь такие воблеры достать? – не удержался от вопроса Тубуз, когда гномиха прервалась, чтобы попить пивка.

– Покупать, или, допустим, на что-нибудь их выменивать – бессмысленно. Воблеры, изготовленные из молодых побегов прибрежной ивы, проявляют магические свойства лишь в тех случаях, если поблизости находится хозяин, прививший им магию.

– А сделать самому? – ухватился лекпин за последнюю надежду.

– Оpozдал, Тубузик, – впервые за вечер невесело усмехнулась Буська. – Магические свойства прибрежно-ивовым воблерам прививаются только один раз в году, когда срезают, то есть, в день летнего солнцестояния – 22 июня. Заклинания, которые, кстати, ни ты, ни я пока что не знаем, действуют в течение одного года, и иссякают, если их не повторить в день летнего солнцестояния...

– Капризные приманочки, – шмыгнул носом Тубуз и без особого удовольствия принялся цедить пиво.

– Очень капризные, – согласилась Буська. – Особенно, если учесть, что лучший эффект при ловле на прибрежно-ивовые воблеры достигается при первых забросах и почему-то при использовании самой тонкой лески.

– Понятно, – разочарованно сказал Тубуз. – Только непонятно, какая от всех этих раскрытых секретов нам завтра будет польза. Что толку-то, что ты фишку посекала?

– А ты пораскинь мозгами, Тубузик, – в глазах гномихи появились озорные икорки. – По слухам, герптшцог Ули-Клун назначил солидный денежный приз за поимку самой крупной рыбы во время завтрашних соревнований. Второкурсники, конечно же, в первую очередь на крупняк настраиваться станут. И крупняк за магическими воблерами обязательно выйдет, и обязательно на них клюнет. Но леска-то у второкурсников будет тонкая, а где тонко, там и рвется! Если, конечно, вовремя сильнейшее антиобрывочное заклинание не применить...

Буська замолчала, ожидая, что Тубуз по своему обыкновению не замедлит с очередным вопросом, но тот с угрюмым выражением лица продолжал цедить пиво.

– Вот тут-то нам и надо будет подсуетиться со своими обычными приманками, но с более надежной лесочкой, – подмигнула Буська лекпину. – Хищная рыба-то будет привлечена импульсами страха жертвы, вот она и начнет эту жертву искать, несмотря на то, что в зубах у нее останется кусок дерева с крючками...

– Буська! – перекрыл вдруг монотонный трактирный гул чей-то зычный голос. – Ну-ка, подь сюды!

– Ой, братья! – испугалась гномиха и покинула Тубуза, оставив на столе недопитую кружку.

Лекпин проследил за ней и к немалому своему удивлению увидел, что Буська подбежала к трем гномами, которые сразу принялись что-то очень сердито ей внушать. Это были все те же второкурсники и потенциальные его конкуренты в завтрашних соревнованиях господ Мэвер, Жэвер и Дэмор. О чем они там говорили, он не слышал, тем более что почти сразу три брата вместе с сестрой покинули трактир. Тубуз же допил свое, а заодно и Буськино пиво и только после этого потащился домой...

Разговор с Буськой еще больше расстроил лекпина. Выходило, что у второкурсников имеется «секретное оружие». Но что этому оружию противопоставить, Тубуз не знал.

Так и просидел он в раздумьях у себя дома до поздней-поздней ночи, таращась на рыбацкие причиндалы, так и заснул за столом...

* * *

Тролля Пуслану снилось его любимое озеро. В его чистых водах он поймал свою первую рыбу, на его берегах учился мастерству владения удочкой и спиннингом, во льду этого озера посверлил свою первую лунку, а однажды едва в нем не утонул, перевернувшись на лодке...

Во сне озеро было покрыто первым льдом, уже выдерживающим вес троллей, но Пуслан все-таки не слишком удалился от берега – до ближайшего подводного «стола», над которым сделал пять лунок и теперь их облавливал. Вокруг этого подводного возвышения были большие глубины, откуда, по всем законам подводного мира и должна подниматься на кормежку рыба.

«Главное, чтобы меня никто не заметил, – думал тролль. – Что за рыбаки нынче пошли! Выходят на лед и вместо того чтобы рыбу искать, высматривают, у кого клюет, да на что клюет. А, высмотрев, прибегут, насверлят вокруг лунок, чуть ли не под твоими ногами, на шумят... В итоге и сами не поймают, и тебе не дадут!»

Чтобы перехитрить таких горе-рыбачков, Пуслан принял меры, то есть, замаскировался: надел поверх одежды белый халат, на голову – шапку из меха белого горностая, даже сапоги его были под цвет снега. И рыбу, которую тролль нет-нет да вытаскивал из лунки, убирал тоже в белый холщовый мешок.

Вот кивок его удочки в очередной раз вздрогнул, отреагировав на поклевку, Пуслан подсек и, неторопливо перебирая тонкую леску пальцами-сардельками, вытащил из лунки здоровенного красавца-окуня.

– Толстого поймал, – прокомментировал кто-то сзади.

Пуслан вздрогнул, быстро сунул окуня в мешок, оглянулся и... никого не обнаружил.

– Много толстых окуней поймал! – молвил тот же голос.

Тролля снова развернулся, покрутил головой – вокруг никого.

– Гр, гр, послышалось, – выдавил он, опустил мормышку в лунку и уставился на кивок.

– Жадный тролль. Делиться не хочет. Оставь другим половить, – одновременно раздались несколько голосов.

Пуслан оторвался от созерцания кивка и поднял голову. Перед ним на льду стояли шестеро гоблинов. И хотя лица всех представителей зеленого племени сильно смахивали одно на другое, троллю показалось, что именно с этой шестеркой ему доводилось сталкиваться прежде. Не вдаваясь в объяснения, он собрался послать их куда подальше и... проснулся.

* * *

Поступивший вместе с подаренными судьбой новыми друзьями на первый курс Факультета Рыболовной магии гоблин Кызль, в своем беспокойном сне тащил здоровенного лосося. Попавшаяся на крючок рыбина, совершала отчаянные рывки, удочка в руках гоблина согнулась дугой, подергивалась, потрескивала, и рыболову казалось, что ее кончик вот-вот клюнет воду, словно цапля, которая норовит вот-вот клюнуть притаившуюся в раске лягушку.

«Только бы лесочка-чудесочка эльфийская выдержала, – молился про себя Кызль, – да крючок-чудесочек гномий не подкачал бы!»

Лосось продолжал сопротивляться, то давил в глубину омота, то рвался к противоположному берегу на мелководье. Гоблин не торопился с вываживанием, зная, что крючок надежно засел в пасти рыбины, что надо терпеть и не обращать внимания на уставшие руки и дрожащие от напряжения ноги. У лосося силы должны были кончиться раньше.

И крючок, выкованный гномами из-под горы, не сломался, выдержал, не порвалась и эльфийская леска-паутинка – мечта любого рыболова. Но сломалось старое удище гоблина. Переломилось прямо у того места, где его маленькие, но крепкие руки сжимали бамбуковую рукоять, и отсочившая острая щепка вонзилась в левую ключицу гоблина. Боль была настолько сильной, что Кызль проснулся, держась рукой за раненое во сне место...

* * *

Профессор юриспруденции Факультета Рыболовной магии эльф Малач и глава эльфийской диаспоры города Фалленблек господин Лукин стояли у подножья кровати, на которой, беспокойно ворочаясь, спал Мухоол. Во сне молодой эльф хмурился, что-то неразборчиво бормотал, постанывал и даже всхлипывал, лоб его покрывала испарина, подушка под головой пропиталась потом.

– Он сказал хоть что-нибудь внятное? – поинтересовался Малач.

– Выкрикнул два слова: «Опять – ты», – Лукин потер ладонью свой высокий с залысинами лоб. – От этого крика я и проснулся и спустился со второго этажа сюда. А, кстати, какими судьбами вы-то ко мне в такое позднее время заглянули?

Стрелки часов показывали далеко за полночь, а Малачу было не свойственно разгуливать ночами по Фалленблеку, пусть даже по эльфийскому кварталу, в одном из особняков которого проживал глава диаспоры. Но о том, какое дело заставило профессора юриспруденции, на ночь глядя, покинуть свой дом в Факультетском замке господину Лукину знать было необязательно.

– Да вот, проходил мимо, возвращаясь от одной обаятельной особы, – развел руками Малач, – и даже с улицы услышал крик нашего первокурсника. Вообще-то сначала я подумал, что кричали вы...

– С какой это стати мне кричать в собственном доме! – недовольно буркнул Лукин. – И я надеюсь, эта связь с некой обаятельной особой не опорочит ваше достойное имя, профессор? А то здесь поползли слу...

– Тихо! – поднял руку Малач и показал на Мухоола, лицо которого исказила гримаса страдания.

– Его надо разбудить, – прошептал Лукин.

– Не стоит, – покачал головой Малач. – Это не простой сон, а вещий. Да-да, вещий сон...

– Разве...

– Тихо! – профессор вновь прервал главу эльфийской диаспоры. – Необходимо узнать, что снится нашему студенту, ведь, проснувшись, он может ничего не вспомнить.

Не обращая внимания на появившееся на лице Лукина недовольство, Малач достал из кармана трость – по форме, как настоящую, только раза в три уменьшенную в размерах. Трость смастерили из светлого дерева, набалдашник ее был вырезан в виде бутона необычного цветка. Малач прикоснулся набалдашником к руке спящего, и бутон, словно сам скользнул тому в ладонь. Пальцы молодого эльфа сжали набалдашник, профессор крепко взялся за другой конец трости, прикрыл глаза и... вынужден был схватиться свободной рукой за спинку кровати, чтобы не упасть...

Мимо Малача с бешеной скоростью летел поток бурлящей воды. Он находился рядом с Мухоолом на берегу горной реки, слева грохотал водопад, а на противоположном берегу стоял, опираясь на серебристый посох, величайший из великих эльфов, старец Субанаач. Большое расстояние не мешало различить на лице старца благосклонную улыбку, а шум воды не заглушал его слова. Вот только речь великого эльфа подходила к концу.

– Да будет впредь так! – молвил Субанаач. – Ты правильно исполнял мои наказы раньше, все верно поймешь и сейчас. Прощай!

Что-либо спросить или ответить Мухоол не успел. Великий эльф повернулся, сделал всего один шаг и исчез в поднявшихся в воздух и засверкавших на солнце брызгах.

Профессор Малач открыл глаза и не сразу сообразил, что находится в гостевой спальне особняка главы эльфийской диаспоры.

– Ну? Ну, вы видели, что-нибудь, профессор? – потряс его за плечо Лукиин.

– О, да, – Малач бережно высвободил трость из руки молодого эльфа, наконец-то притихшего во сне. – Насколько я разбираюсь в родословных, этот юноша приходится вам э-э-э... родным племянником по мужской ветви?

– Вы абсолютно правы, профессор. Мухоол сын моего покойного брата Безвеера, – подтвердил Лукиин.

– У вас есть повод гордиться племянником. В своем сне он имел честь беседовать с великим старцем Субанаачем!

– Как!? – поразился Лукиин. – Неужели сам величайший из великих?

– Да, – Малач придал лицу торжественное выражение. – Этот избранный юноша, несомненно, достоин стать в будущем вашим первым помощником!

* * *

С тех пор, как за несколько ночей до злопамятной попытке Прорыва, закончившейся полным фиаско, магистру ордена монахов-рыболовов, профессору кафедры не крупной рыбы Факультета Рыболовной магии Желуа фон дер Пропсту приснилась поповавшая на спиннинг русалка, эти подводные обитательницы стали являться ему во сне постоянно. Пропст даже успел к ним привыкнуть, хотя предпочел бы в своих красочных снах, действия которых неизменно проходило на каком-нибудь водоеме, чтобы ловил он все-таки щук и окуней, а не русалок.

...Пропст завел весельную лодку в один из своих любимых заливов, (которому при обновлении карты озера Зуро лично придумал название Мармазетка), прекратил греблю, взял в руки спиннинг, оснащенный миниатюрной катушкой и маленькой вращающейся блесенкой на леске-паутинке, привстал и приготовился сделать заброс. Но тут из-под окруженной кувшинками коряги, куда он собирался послать блесну, вынырнула она, русалка. Толстая, с бледно-зеленоватой кожей, она игриво улыбнулась и подмигнула магистру.

– Сгинь! – шикнул на русалку Пропст. – Всю рыбу мне распугаешь!

Но та еще больше высунулась из воды, передернула плечами, заставив заколыхаться свои немаленькие груди, и рассмеялась неожиданно приятным смехом, напоминавшим звон хрустальных колокольчиков.

– Тьфу ты, лахудра зеленая! – магистр выпрямился во весь рост, понимая, что маскироваться нет смысла, так как нормальная рыбалка в этом месте уже не состоится. – Вот, что ты смеешься? Я через все озеро в этот залив плыл, хотел рыбки в тишине да одиночестве половить, а ты, понимаешь ли, смеешься! Ну, что у вас за племя такое вредное, русалочье!

– Зачем тебе рыба, Желуа? – не переставая улыбаться, спросила «лахудра». – Пообщайся со мной, не пожалеешь...

Глава третья

Катаклизм

В то субботнее утро декан Факультета Рыболовной магии Эразм Кшиштовицкий пребывал не в самом лучшем расположении духа. Стоя у окна своего кабинета и, прихлебывая кофе из чашки в форме разинувшего пасть бычка-камнееда, он глядел с высоты самой высокой башни факультетского замка на студентов и преподавателей Факультета Рыболовной магии, а также многочисленных зрителей, двумя потоками направляющихся к местам предстоящих соревнований.

Одному потоку предстояло покинуть факультетский замок через Главные ворота, чтобы по дороге, ведущей в Фалленблек, дойти до моста через Ловашню, на котором через некоторое время должен был прозвучать сигнал старта соревнований спиннингистов. Второй поток, возглавляемый спортсменами-мормышечниками, держал путь через Северные ворота замка, затем по берегу озера Зуро к заливу Премудрый, где факультетские маги создали льдину и микроклимат, соответствующий подледной ловле.

Жеребьевка участников «Кубка журнала «Всегда своевременная информация» закончилась несколько минут назад. Декан на жеребьевке не присутствовал, поручив провести эту несложную процедуру профессору Менале – главе Коллегии Контроля рыболовных соревнований. Менале же вменялось в обязанности быть главным судьей береговых соревнований, в то время как на льдине главным судьей назначили господина Воль-Дер-Мара. И тот и другой имели достаточный опыт, чтобы провести соревнования на достойном уровне.

Эразм Кшиштовицкий пробежал глазами списки спортсменов, кому по жребию выпало сегодня показать свое мастерство в умении ловить рыбу. Соревнования мормышечников. Второкурсники: господа Дунн, Дьяко, Тоший, Кусмам и Кусмакс, а также представители гномьего племени Злобныс и Мозжег; первокурсники: господин Даяа-Кум (больше известный, как зимний блеснильщик, а не мормышечник), гномы – Четверг Двести второй, Девич и Зубовал, эльф Мухоол, лекпин Железяка и тролль Пуслан. Соревнования спиннингистов. Второкурсники: господа Мохан и Нью, гномы Жэвер, Мэвер и Дэмор, эльфы Соруук и Большиин; первокурсники: господа А-Павст и Итдфик, лекпины Тубуз и Цопфа, гоблин Савва, гном Баббаот и тролль Арккач.

М-да... За всю свою многолетнюю рыболовную практику декан, пожалуй, впервые был недоволен самим фактом проведения соревнований. Будь его воля, вернее, поступишь он своими принципами, и «Кубок журнала ВСИ» сегодня бы вообще не состоялся. Слишком много зависело от итогов соревнований, от финального, так сказать, расклада. Даже не от самих итогов, а от того, с какой точки зрения они будут освещены в прессе, как их воспримет большинство факультетских преподавателей и, конечно же, сам герптшцог Ули-Клун, который спит и видит, чтобы репутация Факультета и самого декана пошатнулись.

Лучшим раскладом, пожалуй, был бы проигрыш новичков, но только проигрыш с незначительным отрывом. Только бы не полный разгром первокурсников!

В том, что новички проиграют, Кшиштовицкий не сомневался. Даже один курс обучения на Факультете Рыболовной магии давал студентам огромный рыболовный, да к тому же еще и магический опыт. А новички – они и есть новички. Хотя...

В соревнованиях на льдине у первокурсников все-таки имелся шанс. Тролль Пуслан в ловле на мормышку кое-что смыслит. Да и у гнома Четверга Двести второго хватит спортивной злости, чтобы не уступить своим соплеменникам. Серьезную конкуренцию второкурсникам могут также составить Железяка и Мухоол, подружившиеся во время вступительных экзаменов.

Согласно правилам, и мормышечники, и спиннингисты должны были соревноваться в один тур, в течение трех часов; командная победа в обеих группах определялась по результатам трех лучших спортсменов. Но если новичкам-мормышечникам как-то еще могло повезти, то у их коллег-спиннингистов не было ярко выраженного лидера, который мог бы повести за собой команду, тем более, во время тренировки никто из них не разобрался, как и какую рыбу предстоит ловить...

Что ж, похвально хотя бы то, что со стороны первокурсников желающих участвовать в Кубке ВСИ вызвалось намного больше по сравнению со старшими студентами. Ну а с последствиями соревнований, какими бы они не оказались, Эразм Кшиштовицкий как-нибудь разберется...

* * *

Женуа фон дер Пропст и кот Шермилло едва ступили на мост через Ловашню, как главный судья берегового этапа господин Менала мановением своей здоровой руки* запустил в воздух меленький крутящийся желто-зеленый шарик. Набрав приличную высоту, шарик с негромким хлопком лопнул и рассыпал над бурлящей рекой тысячью сверкающих на солнце искр. Соревнования начались.

С моста следить за действиями спиннингистов было удобно, если не учитывать участка по правому берегу, скрытого за поворотом реки. На самом повороте, на высоком, нависшем над рекой берегу были установлены специальные весы – вкопанный в землю деревянный шест с перекладиной и подвешенным безменом. На них должно было проходить взвешивание уловов и трофейных экземпляров рыбы, если таковые окажутся пойманы.

Береговая линия была разбита на секторы (по два на каждого спортсмена), а так как в каждой команде было по семь спортсменов, соответственно, на каждом берегу разбили по четырнадцать секторов. Первые десять минут после старта студентам-соперникам вменялось ловить рыбу в выпавших по жеребьевке секторах, затем разрешалось занимать любые свободные секторы, на левом или правом берегу, естественно, не мешая друг другу и не забрасывая приманки в зону ловли соседей.

Благодаря стараниям своего верного помощника кота Шермиллы, всю порабатывшего локтями, Пропст вслед за ним протиснулся сквозь толпу многочисленных зрителей к перилам моста на самой его середине. Кот пристроился рядом. И первым, что они увидели, были два зацепившихся тройниками воблера, раскачивающиеся на натянутых лесках над водой примерно посередине реки. Сравнительно неширокая Ловашня, конечно, не позволяла перебросить такую приманку, как воблер, с одного берега на другой, но метнуть ее на середину, не составляло труда, что и сделали при первом же забросе стоявшие на разных берегах друг напротив друга второкурсники, господа Мохан и Нью.

Несмотря на то, что выступали они за одну команду, ни тот, ни другой не собирался уступать товарищу, то есть, откинуть дужку своей катушки, позволив леске свободно сбегать со шпули, чтобы другой сделал спокойную подмотку и, расцепив приманки, продолжить ловлю. Вместо этого Мохан с объемной курчавой шевелюрой и такой же бородой и абсолютно лысый Нью молча подматывали леску каждый на себя, видимо, веря, что именно его снасть окажется надежней. Спиннинги однокурсников согнулись дугой, лески натянулись струнами, и их звон, наверное, можно было бы услышать, если бы не улюлюканье зрителей. Которое вылилось в единодушное «Уох-х-х!», последовавшее за щелчком разорвавшейся снасти. Потеряв равновесие, и Мохан, и Нью шмякнулись навзничь, но оба тут же вскочили на ноги и лихорадочно завращали ручки катушек. Но если Мохан подматывал к себе оставшуюся неповрежденной приманку, то Нью удовольствовался лишь обрывком

лески, только что казавшейся такой надежной. Куда подевался его оторвавшийся воблер, осталось загадкой.

Загадкой для всех, кроме Женуа фон дер Пропста, задействовавшего заклинание «отслеживания оборванных приманок благодаря обострению зрения», и еще Тубуза Моран, что расположился ниже по течению через один сектор от господина Нью. Воблерок плюхнулся в воду метрах в трех впереди лекпина и поплыл, подхваченный течением. Но Тубуз не напрасно считал себя снайпером по забросам приманок, он как раз вытащил свою блесну из воды, прицелившись, метнул ее и попал точно в уплывающий воблер. Конечно, лучше бы первым трофеем стала рыба, но и воблерок тоже мог пригодиться. Тубуз даже не стал оглядываться, чтобы узнать, смотрит ли за ним кто-нибудь. Пусть смотрят, пусть даже расскажут господину Нью, в чьи руки попала его приманка, возвращать ее хозяину лекпин не собирался – трофей есть трофей...

Сектор под номером «4», выпавший Тубузу по жребию, в котором предстояло ловить первые десять минут, очень ему не понравился. Дело было даже не в том, что вдоль всего берега здесь росли деревья с нависающими над водой ветками. Как раз деревья невысокому лекпину не мешали, тем более, своим коротким спиннингом Тубуз мог умело осуществлять забросы не только из-за головы, но и забросы боковые, и, так называемые «мятниковые», то есть из-под самых ног. А в том, что как-то мало верилось, что в бурлящем перед глазами лекпина потоке могла держаться какая-нибудь рыба. В других секторах хотя бы наличествовали либо повороты русла, либо ямки, либо торчащие из воды валуны.

Но самым худшим лекпин считал то, что его сектор находился в самой середине зоны, а учитывая то, что магическое изменение русла произошло не более суток назад, было ясно, что рыба, обычно не торопившаяся осваивать новые места, просто не успела опуститься сюда ни сверху по течению Ловашни, ни подняться снизу, из озера.

По мнению Тубуза больше всего повезло тем, кто начал ловлю ближе к озеру. Вот откуда на свежую, бурлящую водицу должна была подниматься рыбка, и шансы поймать ее в тех секторах увеличивались многократно. У начавших ловлю рядом с мостом тоже имелись неплохие шансы быстро обрыбиться.

Тубуз считал очень важным поймать рыбу в самом начале соревнований. Чтобы и самому почувствовать себя уверенней, и в то же время соперников понервировать. Тем более что, согласно правилам, придуманным специально для Кубка ВСИ, спиннингист заканчивал ловлю после поимки пяти рыб. Получалось, что, первый, кто поймает пять рыб, независимо от их веса и размера, становился победителем в личном зачете.

Здесь, правда, имелась одна заковыка, о которой вчера упомянула Буська, – приз, утвержденный, вопреки протестам декана Кшиштовицкого, герптшцогом Ули-Клуном за поимку самой крупной рыбы. По слухам, приз являлся ничем иным, как увесистым мешочком с золотыми монетами, и желание завладеть им могло пересилить стремление стать чемпионом. А это означало, что спиннингисты, рассчитывая поймать крупняка, использовали бы и соответствующие приманки, к примеру, крупный воблер, который оборвал господин Нью, и который был явно не по зубам мелкой рыбешке.

Приз – призом, а соревнования – соревнованиями. Победить в них, или просто достойно выступить, тем более в командном зачете для Тубуза было гораздо важнее. Поэтому не стоило гоняться за крупной рыбой, лучше раньше других поймать пять мелких и первым прийти на финиш!

А для этого необходимо дождаться, когда истекут десять минут обязательно пребывания в своем секторе, и бежать, бежать, сломя голову поближе к озеру. Туда, где уже успели поймать по одной рыбине и гном Дэмор, расположившийся в крайнем секторе, и его сосед Соруук. Между Сорууком и Тубузом сектор под номером «3» занимал еще один второкурсник – старший из троицы братьев-гномов Мэвер. У него тоже случилась поклевка, но гном

так и не дотащил свою рыбу до берега – выпрыгнув в воздух и отчаянно замотав головой, крупная зеленобрюхая форель сорвалась с крючка.

«Вот и прекрасненько! – подумал Тубуз, услышав посыпавшиеся из уст Мэвера ругательства. – Нечего здесь мою рыбку ловить! На что, кстати, она там у него клюнула?»

Приглядевшись, лекпин убедился, что сосед слева, так же, как и господа Нью и Мохан, с первых минут ловли выбрал в качестве приманки немаленький воблер. Права была Буська – ловить надо на воблеры и только на воблеры! Тем более что блесна-вертушечка Тубуза намертво зацепилась за какое-то подводное препятствие, и ничего не оставалось сделать, как ее оборвать.

Не тратя времени на раздумья, какую приманку использовать вместо утерянной, Тубуз достал воблер господина Нью. Молодая гномиха утверждала, что второкурсники их магически заговаривают, прививают какие-то вирусы нервного поведения жертвы. Наверняка и господин Нью заговорил свой воблер, к тому же практически не успел на него половить. Возможно, даже не стоило его в этом месте забрасывать, чтобы не зацепиться вновь. Но не стоять же, сложа руки, в ожидании, пока закончатся десять минут. Два-три заброса он еще успеет сделать, а потом, сразу после сигнала главного судьи, со всех ног бросится бежать поближе к озеру, занимать свободный сектор и ловить, ловить...

Женуа фон дер Пропст в свое время обожал участвовать в соревнованиях по спиннингу. Еще будучи мальчишкой, Женуа отдавал последние гроши, чтобы внести регистрационный взнос и потягаться в мастерстве рыбной ловли с многоопытными и заслуженными спортсменами. Даже обладая примитивной снастью и минимальным набором приманок, будущий магистр облавливал многих соперников, и очень быстро начал завоевывать медали и кубки. Что же говорить о временах, когда его рыболовная экипировка стала предметом подражания всей спиннинговой молодежи, а о его спортивных подвигах слагались легенды далеко за пределами Среднешиманья! Имя Женуа фон дер Пропста не сходило с первых страниц рыболовных журналов и, не было спиннингового турнира, в котором будущий профессор кафедры некрупной рыбы не становился хотя бы призером.

И вот однажды, разглядывая свои многочисленные награды, от которых в кабинете фон дер Пропста буквально ломились столы и полки, и, вспоминая хвalebные выдержки из журнальных статей, он вдруг решил окончательно и бесповоротно закончить свою спортивную карьеру. О чем без каких-либо объяснений и заявил всеуслышание перед стартом очередного чемпионата. Он и в самом деле никогда больше не соревновался, а о побудивших к этому причинах предпочитал отмалчиваться. Но выступать в роли судьи соглашался с удовольствием, а еще больше любил быть зрителем, болеть за кого-нибудь.

Сейчас Женуа фон дер Пропст болел за команду первокурсников, и в первую очередь за лекпина Тубуза Морана. С жеребьевкой секторов тому явно не повезло. Но потеря десяти минут – не катастрофа, если правильно выбрать дальнейшую тактику и прибежать в хороший, не занятый сектор, то все еще можно наверстать.

С момента старта истекли девять минут, когда фон дер Пропст, вновь магически обострив зрение, увидел, что спиннинг Тубуза согнулся дугой. Поклевка? Рыба? Магистр прикрыл глаза, замысловато сложил пальцы правой руки и, прошептав заклинание «удаленного подводного зрения», магически воспроизвел подводный участок четвертого сектора. Нет, никакая не рыба удерживала лекпинскую приманку. В нескольких метрах от берега под водой раскорячился кривыми корнями старый пенек. На одном корне уже висела блесна с обрывком лески, и теперь в другой впился двумя тройниками воблер Тубуза. Очень неплохой воблер, с которым спиннингисту, увы, придется расстаться.

Для опытного рыболова-мага справиться с возникшей проблемой не составило бы труда. Достаточно применить заклинание «удачного освобождения приманки от подводного зацепа» и все, но откуда первокурснику знать это магическое действие?!

Женуа фон дер Пропст по-особому переплел пальцы, на этот раз левой руки, закливание само собой всплыло в голове, и тут на плечо магистру легла чья-то твердая рука.

– Ай-яй-яй, как нехорошо!

Магистр, вздрогнув, обернулся. Через поднесенный к глазам монокль на него строго смотрел директор факультетской библиотеки, профессор Чаб – один из представителей Факультета, осуществляющий магический надзор за проходящими соревнованиями.

– Не ожидал я, никак не ожидал, – покачал головой библиотекарь. – От кота т-твоего – еще ладно, но от т-тебя...

– Ты это о чем говоришь, Чабушка? – сделал удивленную мину фон дер Пропст. – Никак заподозрил меня в чем?

– Как же т-тебя не заподозрить, раз т-ты вон, до сих пор п-пальчики-то не расплел! – повысил, было, голос Чаб. – Хотел магическое вмешательство осуществить? Своим любимцам п-помочь?

– Тиш-ше, тиш-ше, профессорнице, – вмешался кот Шермилло. – Какое вмешательство? Окстис-сь, профессорнице!

– Действительно! – теперь уже магистр напустил на себя обиженный вид. – О каких любимцах ты говоришь? МНЕ – говоришь!

– Ему говоришь-шь! – поддакнул верный адъютант Шермилло. – ЕМУ!

– Ну, ладно, ладно, – профессор Чаб сложил монокль и теперь уже по-приятельски похлопал фон дер Пропста по плечу. – Кого другого я бы и в самом деле заподозрил бы в нечестности, но т-только не т-тебя!

В это время в небе над их головами раздался хлопок, – лопнул запущенный главным судьей магический зеленый шар, разрешающий спортсменам перемещаться и ловить рыбу в любых свободных секторах. Фон дер Пропст сразу забыл про библиотекаря, отыскал взглядом Тубуза и... не поверил в увиденное! Лекпин все еще оставался в своем секторе, держа в руках согнутый в дугу спиннинг. И это вместо того чтобы давно оборвать леску и вместе с другими спортсменами, обгоняя других, бежать занимать перспективные места.

– Что же это он, воблер, что ли пожалел? – разочарованно обратился магистр к коту. – Все отцепить пытается. Но ведь это же соревнования, а не простая рыбалка...

– Смотри! – вдруг перебил его Шермилло и показал лапой на реку.

Зрелище было великолепным! Прямо напротив Тубуза метрах в двух над водой зависло что-то похожее на шаровую молнию, постоянно меняющее форму и отбрасывающее вокруг золотистые блики. Фон дер Пропст магически обострил зрение и, прежде чем непонятный предмет упал в воду, успел разобрать, что это ничто иное, как рыба – очень редкая и очень опасная рыба – копыеносый маголосось. Из пасти которого торчал воблер на натянутой струной леске.

– Осторожней! – заорал фон дер Пропст. Потом схватил за грудки первого попавшегося под руку человека, которым оказался все тот же директор факультетской библиотеки.

– Чабушка, давай сюда Кшиштовицкого! Живо! – Рывкнул магистр ему в лицо. – Только никакой магии, библиотекарь! Этот несчастный лекпин копыеносого маголососа подцепил!!!

Услышав последние слова, библиотекарь, забыв про монокль, округлил глаза, согласно кивнул, и вместе с магистром принялся расталкивать окружавших их зевак. Протиснувшись сквозь толпу на открытое пространство, профессор Чаб со всех ног помчался прямехонько в факультетский замок, а Женуа фон дер Пропст вместе с котом Шермилло поспешили к лекпину, продолжавшему сражаться с рыбиной...

На памяти магистра копыеносых маголососей ловили лишь дважды. И оба раза это произошло во время соревнований по спиннингу, в которых разрешалось применение магии. И в обоих случаях ни к чему хорошему поимки этих рыб не привели. Фон дер Пропст на всю жизнь запомнил, как погиб господин Ряборяб – опытейший спиннингист, поймав-

ший на мощную снасть огромного маголосося, корчился в предсмертных судорогах в тщетной попытке вытащить из своей пробитой и фонтанирующей кровью груди, золотое копьенос рыбины. Таково было одно из свойств копьеносых маголососей – при угрозе жизни, особенно если поблизости кто-то задействовал магию, они пытались поразить рыболова, отстреливая в него смертоносное копьенос, после чего, если не возвращались в родную стихию, погибали сами.

Второй случай произошел ни с кем иным, как с самим деканом Факультета Рыболовной магии Эразмом Кшиштовицким. Тогда соревнования проходили с лодок. Декан, поднаторевший в искусстве ловли магических рыб, стал обладателем редкого трофея, незадолго до финиша. Зная об опасных свойствах маголососей, он постарался принять соответствующие меры: сразу после поимки схватил рыбину одной рукой за ее копьевидный нос, другой – за основание хвоста и прижал ко дну лодки. Время поджимало, и, не имея возможности грести веслами, Кшиштовицкий задействовал заклинание движения «Вращающегося тростника», что разрешалось правилами.

Это оказалось большой ошибкой. Отреагировав на магию, рыбина отстрелила свое копьенос, намереваясь поразить рыболова. Однако Кшиштовицкий всегда слыл не только сильным магом, но и физически сильным человеком. Он сумел удержать смертоносное оружие, и не отпустил его даже когда копьенос пробил дно. Правда, самого маголосося пришлось отпустить. Скользящая рыбина выпрыгнула за борт продолжавшей движение лодки, а Кшиштовицкий, сознавая, что нельзя вытаскивать руку, частично закупорившую пробоину, так и оставался лежать до тех пор, пока посудина все-таки не набрала воды и не затонула недалеко от факультетского пирса. Порядочно растративший магической силы, потерявший вместе с лодкой снасти и трофеи, декан, финишировал вплавь. И принес на взвешивание золотое копьенос, которое весило почти килограмм.

Хотя Кшиштовицкий и проиграл те соревнования, но впоследствии очень гордился собой, и называл свои действия не иначе, как «настоящим подвигом рыболова-спортсмена». С ним, впрочем, никто не спорил. Даже после того, как декан предложил выставить копьенос в факультетском музее на стенде Почетных трофеев представителей Факультета Рыболовной магии. Ведь это действительно был почетный и даже единственный в своем роде трофей...

Когда фон дер Пропст подбежал к четвертому сектору, Тубуз все еще продолжал вести борьбу с рыбиной. Магистр оказался не единственным, кто желал поближе увидеть происходящее. Из образовавшейся за ограничительной ленточкой толпы зевак слышались подбадривающие крики, улюлюканья и различные советы. Кто-то рекомендовал форсировать вываживание, кто-то, наоборот, – не торопиться, какой-то умник вообще орал не своим голосом, чтобы лекпин отбросил свой хлипкий спиннинг и вытаскивал рыбу за леску руками. Лишь одна молоденькая гномиха, имя которой никак не приходило на ум Пропсту, стояла молча, впившись глазами в лекпина, сжав на груди кулачки и закусив губу. И глядя на нее, магистр, уже приготовившийся выдать Тубузу несколько ценных советов, смысл которых тот все равно бы не разобрал, решил тоже не нервировать спиннингиста и не раскрывать до поры до времени рот.

Тем более что Тубуз, по-видимому, и сам неплохо знал, что делать. Растерянность, возникшая, было, после того, как вместо упруго-неподдающейся силе зацепа вдруг появилась слабина и сразу же мощная потяжка, давно прошла. Лекпин быстро и верно предположил, что рыба, не желавшая обращать внимание на приманку, по плавной дуге пересекающую речку, заинтересовалась его воблером, дергающимся на подводной коряге, и когда тот освободился от зацепа, сразу атаковала незнакомый предмет. Поэтому после первой подсечки сделал вторую, а затем, для подстраховки, еще и третью. И логично рассудив, что если рыба не сошла при таких его рывках, то села на крючок очень надежно, и теперь ему остается

только не допустить ошибку. То есть, не дать трофею завести и намертво запутаться еще в каких-нибудь корягах, и не перегрузить снасть, другими словами, не оборвать леску и не сломать спиннинг. Вот он и не торопился с вываживанием, постепенно утомляя рыбу и все ближе и ближе подводя ее к берегу. А когда маголосошь оказался почти у его ног, Тубуз левой рукой ловко выхватил из-за спины короткий телескопический самораскладывающийся подсачек. Затем так же ловко опустился на одно колено, опустил уже готовый к своим функциям подсачек в воду и завел рыбину в сетку!

* * *

В том, что на берегу залива Премудрый зрителей собралось не в пример меньше, чем на берегах Ловашни, не было ничего удивительного. Наблюдать за спиннингистами было гораздо интересней. Видна техника ловли каждого, видны снасти и используемые приманки, наконец, с первой и до последней минуты видна борьба спиннингиста с рыбой. На льдине ничего подобного видно не было.

Мало того, что большинство мормышечников сидело не на рыболовных ящиках, а на коленях, склонившись к самой лунке, мало того, что при вытаскивании попавшейся некрупной рыбки они сразу зажимали ее в ладони и, никому не показывая, снимали добычу с крючка и прятали в сумки, так еще и расположились спортсмены спинами к зрителям, прикрываясь от дувшего с берега ветерка.

Самим же рыболовам до зрителей не было никакого дела. Разве что тролль Пуслан время от времени косился через плечо на группу гоблинов, почему-то выбравших предмет своего наблюдения именно его. Гоблины, не переставая, шушукались, иногда прыскали смехом, прикрывая рты зеленоватыми ладонями. Пуслану они не мешали, тем более что он с самого начала сел на уловистую лунку и с завидной регулярностью вытаскивал из нее приличного размера ершей. И все-таки тролль невольно вспоминал сегодняшний сон, в котором ему явились такие же вот одинаковые на лица гоблины, отчего ему становилось слегка не по себе.

Зато утешало Пуслана другое. Команда первокурсников, в которую он неожиданно для себя был выбран капитаном, явно опережала соперников в уловах. То ли второкурсники и в самом деле ловили рыбу слабее новичков, то ли товарищам Пуслана просто везло. Он прекрасно видел, как Даяа-Кум после первого же опускания мормышки в лунку, вытащил из нее крупного окуня; как одновременно замахали руками, перебирая натянувшуюся под тяжестью рыбы леску, гномы Девич и Зубовал, расположившиеся по соседству друг с другом на правом «береговом» крае льдины; слышал, как то и дело довольно побряхтывал Четверг Двести второй; догадывался по поведению Мухоола, застрявшего на одном месте, что и у него дела идут очень неплохо; и, веря в счастливую звезду Железяки, тоже ничуть за него не беспокоился.

В то же время среди второкурсников рыбалка продвигалась нормально лишь у господина Дьяко, остальные казались какими-то вялыми, как будто не соревновались, а вышли на льдину просто так, прогуляться. Дьяко же с первой минуты после старта словно приклеился к Железяке: постоянно держался от него метрах в пяти-шести, сверлил столько же лунок, в той же последовательности, что и лекпин, опускал в них прикормку и в той же последовательности их облавливал. И ловил рыбу, ловил успешнее лекпина.

Глядя на привязавшегося конкурента, Алеф злился, но поделать ничего не мог, – правила соревнований господин Дьяко не нарушал, а выбранная хитрым второкурсником тактика подражания пока что полностью себя оправдывала. Да и у Железяки все складывалось бы гораздо успешней, если бы не постоянные зацепы за подводные коряги. И если бы лекпин не пользовался отцепом, то и без того невеликий запас уловистых мормышек давно бы иссяк.

В который уже раз Алеф успел похвалить сам себя за то, что накануне догадался посетить лавку «Настоящая магическая рыбалка». Правда, приобрел он новый отцеп не совсем честным путем. Вернее, совсем нечестным. Дело было в том, что письмо, которое, якобы написал Мак-Дин для хозяина лавки господина Казимира, и в котором ветеринар якобы просил «передать ему через лекпина отцеп для мормышек с последующей оплатой при личной встрече», Железяка сочинил сам без чьего-либо ведома. На эту хитрость он пошел вынужденно. Только потому, что за последние дни, потратил почти всю наличность на новую факультетскую форму и учебники, а бегать по знакомым в поисках денег, не оставалось времени. И только потому, что прекрасно понимал всю безнадежность просить хоть что-нибудь в долг у хозяина рыболовной лавки от себя лично. Заполучив отцеп, Алеф в первую очередь, побежал разыскивать Мак-Дина, чтобы, извинившись перед ним, объяснить сложившуюся ситуацию и пообещать уладить все финансовые и моральные вопросы в ближайшие день-два.

Но ветеринара, который во время злополучного Прорыва практически лишился правой ноги, как ни странно, не оказалось ни в его жилище, ни в двух ближайших тавернах; никто не видел и подсказать лекпину, где его найти не смог. Мак-Дин словно воду канул. Что вообще-то в фигуральном смысле могло соответствовать истине. Водную среду ветеринар любил, к тому же был очень даже равнодушен к русалочьему племени, поэтому вполне мог проводить время с зеленоволосыми особами где-нибудь на берегу уютного, скрытого от посторонних глаз заливища. Поэтому Железяка прекратил поиски и вернулся домой, чтобы продолжить подготовку к предстоящим соревнованиям и с надеждой все возможные проблемы уладить позже.

Однако проблема, как это обычно случается, возникла в самый неподходящий момент.

Только что он вытащил на свою самую лучшую мормышку довольно приличного окуня, как при следующем опускании опять зацепил ее за подводную коряжину. Алеф в очередной раз достал новенький отцеп и принялся прилаживать его к натянутой леске, но тут, подняв голову и бросив мимолетный взгляд на берег, увидел среди немногочисленных зрителей хозяина лавки «Настоящая магическая рыбалка» господина Казимира, пристально наблюдающего за его действиями, и неспешно приближающегося к нему прихрамывающей походкой, опирающегося на палочку, улыбающегося ветеринара Мак-Дина...

Железяка так и застыл, склонившись над лункой с повернутой в сторону берега головой, забыв про мормышку, рыбу и соревнования. Застыл, глядя, как Мак-Дин подошел к Казимиру, как они пожали друг другу руки, заговорили о чем-то, затем хозяин лавки встрепенулся и принялся попеременно тыкать пальцем то в грудь ветеринару, то в него, несчастного лекпина, до слуха которого долетело слово «Шарлатан!», произнесенное на повышенных тонах...

– О чем задумался, дорогой? – заставил Алефа вздрогнуть голос подошедшего сзади Воль-Дер-Мара, исполняющего сегодня на льдине обязанности главного судьи. – Или забывал, как отцепом пользоваться?

Алеф вновь вздрогнул и резко разжал сжимавшие отцеп пальцы, словно тот, вдруг стал очень-очень горячим. Отцеп упал рядом с лункой, а лекпин показал задрожавшей рукой на мостик, перекинутый с берега на льдину, по которому переходили грозный господин Казимир и хмурый ветеринар Мак-Дин.

Одними губами Железяка прошептал:

– Воль, мне крышка...

* * *

– Йе-есть, на-ийк! – издал Моран Тубуз победный клич, вытащив на берег подсачек, в сетке которого запутался копыеносый маголось. – Йе-есть! Есть, есть, есть, как я играю! КАК Я ИГРАЮ!!!

Лекпин немного отбежал от уреза воды и, продолжая радостно вопить, не выпуская из поднятых вверх рук спиннинга и подсачека с рыбой, пустился в пляс. Радоваться было чему. После вчерашней провальной тренировки и осознания, что улов даже в одну рыбку будет для него, да и для любого первокурсника на этих соревнованиях за великое благо, вдруг поймать рыбу уже через пятнадцать минут после старта! Да еще такую крупную!! Да еще такую редкую!!!

– Аккуратней, дуралей! – рявкнул в лицо лекпину оказавшийся рядом Желу фон дер Пропст, и Тубуз сразу прекратил пляску. – Это смертельно опасная магическая рыба – копыеносый маголось. К себе его не прислоняй, из подсачека не вынимай, так и неси на тот берег на взвешивание к главному судье, он во всем разберется. И лучше побыстрей, лучше бегом, бегом, отрок!

Не смея ослушаться магистра, Тубуз бросился выполнять его указания.

* * *

Все вокруг было в оттенках зеленого. Зелено-желтая стена ивняка на берегу, зелено-серые заросли высокого, выше человеческого роста, тростника, ярко-зеленая пленка цветущей воды под ногами, и тускло-зеленоватая кожа маленького гоблина, склонившегося в подобострастном поклоне перед человеком, закутанным в черный плащ, в больших очках со стеклами из затемненной слюды.

– Гуру, все готово! – дрожащим голосом сказал гоблин и протянул человеку подушечку, обтянутую зеленым бархатом, на которой лежал кривой кинжал с черной ручкой. – Остался всего один, известный только тебе компонент, для осуществления Великого заклина...

Последнее, что увидел в своей жизни представитель южноболотных гоблинов, было острие кинжала, пронзающее его левый глаз. Человек в черном провернул кинжал в ране, придержал голову несчастного и с усилием выдернул орудие убийства. Затем медленно опустил все еще дергающееся в конвульсиях тело в воду. После чего распрямился и поднял вверх окровавленный кинжал, на острие которого так и остался гоблинский глаз. Зеленая кровь закапала с кинжала на тело, зеленая кровь вытекала из глубокой раны гоблина в воду, оставляя на поверхности расплывчатые следы, а человек, лица которого было не различить за большими слюдяными очками, приложил кривое лезвие к губам и принялся неразборчиво нашептывать слова древней черной магии.

Он шептал, шептал и шептал, не повышая голоса, не меняя интонации, и при этом, неторопливо, один за другим, доставая левой рукой из кармана плаща какие-то предметы и бросая их в воду себе за плечо. Шептал до тех пор, пока предметы не закончились, и пока на помутневшей зеленой воде вокруг него и мертвого гоблина не вырисовалась сложная пентаграмма. А затем зубами снял с кинжала глаз и раскусил его напополам с резким хрустом, который эхом отозвался где-то вдалеке.

Вода под ногами всколыхнулась...

* * *

Льдина, на которой проходили соревнования, вдруг лопнула с оглушительным треском. Мгновенно образовавшаяся трещина, разделила льдину на две неровные части, которые сразу начали отдаляться друг от друга.

Ловившим рыбу на коленях, пришлось испытать пусть и приличное, но не слишком болезненное сотрясение; те же, кто восседал на рыболовных ящиках, попадали на лед, отшибая себе бока и локти. Но больше всех досталось тем, кто стоял на ногах, а именно – главному судье Воль-Дер-Мару, и только что спустившимся с мостика на льдину господам Казимиру и Мак-Дину. Все трое, словно мячики, были подброшены вверх, а затем приложились о гладкую ледяную поверхность не только локтями и боками, но и ногами, задами, спинами, а в случае с господином Казимиром еще и затылком.

Звук от соприкосновения затылка хозяина лавки «Настоящая магическая рыбалка» со льдом оказался не менее громким, чем треск лопающейся льдины. Железяка даже зажмурился, представив, что это раскололась гномья голова.

Открыв глаза, лекпин увидел, что часть льдины, на которой остался он, Воль-Дер-Мар, Казимир, Мак-Дин и некоторые из спортсменов, лопнула, теперь уже на три части. При этом лежащий поблизости на льду второкурсник Дьяко оказался в очень незавидном положении. Одна трещина прошла как раз под ним, и теперь назойливый конкурент, держась одной рукой за свой рыболовный ящик, а другой – за засверленный в лед коловорот смотрел расширенными от ужаса глазами то на Железяку, то на появившуюся под собой воду, которой с каждой секундой становилось все больше.

Вспомнив о самом ценном, что у него с собой было из рыболовных принадлежностей, а именно о коловороте незабвенного деда Паааши, Железяка бросился к реликвии и едва успел схватиться за ручку, как вновь раздался жуткий треск ломающегося льда. Новая трещина предательской змеей разделила лед под Алефом и начала быстро расширяться. Он шагнул на льдину, что была ближе к берегу, оглянулся посмотреть, что делают остальные спортсмены, беспокоясь в первую очередь о громадном тролле, и тут льдина под его ногами раскололась, словно упавшее на каменный пол зеркало, и Железяка ухнул в воду.

Те, кто стоял на берегу стали свидетелями невиданного доселе зрелища: в то время, как меньшая льдина, с оставшимися на ней спортсменами сама собой приблизилась к противоположному берегу залива, большая за считанные секунды превратилась в ледяное крошево, и теперь среди этого крошева плавали рыболовные ящики, виднелись головы участников соревнований и надувающиеся страховочные шарики за спиной Пуслана, не дающие троллю утонуть. Шарики все увеличивались, тролль уже по грудь поднялся из воды, когда то, что осталось от льдины вместе с теми, кто только что на ней находился, начало закручиваться в водоворот. Закручиваться все быстрее и быстрее, превращаясь во все больше углубляющуюся воронку. Внезапно из глубины этой воронки вырвалось кружащееся облако густого белого то ли пара, то ли тумана. А когда облако рассеялось, пораженные зрители увидели на месте большой льдины лишь спокойную гладь воды и поднимающуюся в воздух связку надувных шариков тролля Пуслана с обрывком веревочки...

* * *

В те же самые минуты зеваки, собравшиеся на берегах Ловашни и наблюдавшие за соревнованиями спиннингистов, а также декан Факультета Рыболовной магии Эразм Кшиштовицкий, который как раз вбежал на мост через речку, были поражены не менее необычным зрелищем.

Лекпин Тубуз Моран только что передал пойманного копыеносого маголосоя главному судье господину Менале, и тот приготовился взвешивать знатный трофей, как вдруг почва под их ногами всколыхнулась, словно пробежавшая по воде волна. После чего приличных размеров береговой участок на повороте реки вместе с теми, кто на нем находился, стремительно сполз вниз, в воду, вызвав уже настоящую волну.

Волна побежала к противоположному берегу, нахлынула на него, смыла спиннингистов, не успевших вовремя ретироваться, откатилась назад и обрушилась на берег, с которого начала свой сокрушительный бег. Вода и земля смешались в грязную бурлящую массу, крутя и немилосердно бултыхая всех в этой массе оказавшихся. Над рекой вмиг образовалось непроницаемое облако из мокрой пыли, начавшее закручиваться и превращаться в настоящий смерч...

Когда облако-смерч растаяло, свидетели произошедшей катастрофы увидели Ловашню, такой же, как и перед вмешательством факультетских магов, то есть, спокойно несущую свои воды в озеро Зуро. Но берега стали другими, более пологими, во многих местах лишившимися деревьев. И на берегах у воды никого не было видно. За исключением главного судью соревнований господина Меналы. Он стоял без движений спиной к столбу весов, с безвольно висящими руками и опущенной на грудь головой.

Эразм Кшиштовицкий оказался около него раньше остальных, и первым узнал, что господин Менала мертв. Грудь главного судьи была насквозь пробита и пришпилена к столбу золотым копьём-носом магической рыбины, которую он так и не успел взвесить...

Глава четвертая Переворот

– Отвечайте, идиоты, кто главный в Фалленблэке? Я или кто-то другой? Или, по вашему, я – не его превосходительство герптшцог, а какой-нибудь жалкий сын рыбака?! Какой-нибудь лекпин-недомерок с улицы Подкаменка! – крик Ули-Клуна сорвался на визг. Губернатор Фалленблека, со свежей ссадиной на щеке, в перепачканной одежде, наступал на придворных, пятившихся от него и не смеющих поднять глаз. – Почему ваш герптшцог вынужден терпеть неслыханные унижения на виду у своих под-дан-ных?!

Ули-Клун схватил за грудки первого попавшегося под руки, которым оказался господин Еноварм, и принялся его трясти с такой силой, что кожаный шлем соскочил с затылка начальника стражи и упал на каменный пол тронного зала.

– Почему вы молчите? Почему вы допустили, чтобы ваш губернатор вывалился в грязи, почему никто даже пальцем не пошевелил, чтобы оказать ему помощь, и почему мне до сих пор не назвали имя виновника случившегося безобразия? Позвать мне палача! – герптшцог с силой отпихнул от себя Еноварма, который, едва не упав, впечатался в дрогнувшую толпу придворных.

– Нет! Не надо палача, я всех вас сам казню, самолично! – Ули-Клун потянулся к левому боку, где обычно висела парадная сабля, но рука нащупала пустоту. Бесценный подарок главы клана гномов из-под Годы пропал. Герптшцог сжал руки в кулаки и, потрясая ими и выкрикивая неразборчивые ругательства, принялся бегать по залу.

Кто бы мог предположить, что прогулка на берег Ловашни, где проходили соревнования спиннингистов, возымеет такие последствия! Сами соревнования Ули-Клуна мало интересовали, – в планах герптшцога было утереть нос этому зазнайке, декану Факультету рыболовной магии Эразму Кшиштовицкому. Пока спиннингисты ловили рыбу, а судьи вместе с зеваками за ними наблюдали, герптшцогские слуги должны были на скорую руку соорудить за их спинами сцену, водрузить на нее пьедестал почета, разукрасить цветами гербов своего хозяина и Фалленблека и приготовить все для церемонии награждения победителей. Главным действующим лицом которой естественно стал бы сам Ули-Клун.

Все шло по задуманному плану, слуги всюду трудились над возведением сцены, а Ули-Клун в сопровождении горстки придворных решил-таки понаблюдать за соревнующимися, когда случился катаклизм. Внезапно нахлынувшая волна окатила герптшцога с ног до головы и, заставив пережить несколько ужасных мгновений, только чудом не унесла его во взбесившуюся Ловашню. Мало того, что идея утереть нос декану обернулась фиаско, мало того, что герптшцог поранил щеку, испортил выходной костюм и в таком жалком виде выставился перед жителями города, так еще у него пропала дорогушая гномья сабля! Однако больше всего бесило герптшцога то, что вину за все это свалить было не на кого. Катаклизм, так его перетак!

– Политический момент... – вдруг не слишком разборчиво прозвучало среди молчавших до этого придворных.

– Что? Кто сказал?

Ули-Клун очень любил, когда в тронном зале звучали эти два слова, означающие, как минимум сплетню, либо оговор, донос, разоблачение...

– Я сказал, ваше превосходительство, я, – сквозь толпу протиснулся невзрачный, одетый во все серое придворный виночерпий, гоблин Пшенг. Согнувшись в три погибели, он мелкими шажками приблизился к хмурому губернатору. – Политический момент, ваше превосходительство.

– Не лучший момент, зеленван, ты выбрал для сплетен!

– Ваше превосходительство, самый мудрейший из губернаторов, самый достопочтенный из герптшцогов, наверное, не удивится, если узнает, что все сегодняшние несчастья и на Ловашне, и в заливе Премудрый, повлекшие гибель столь уважаемого человека, как господин Менала, и гибельную пропажу двадцати шести жителей вашего города, произошли из-за применения незаконной черной магии!

– Черной магии, говоришь?! – Ули-Клун сграбастал виночерпия за камзол и приподнял его так, что тощие ноги заболтались в воздухе.

– Да, ваше превосходительство, да, – выдавил из себя Пшенг. – И я разузнал, кто совершил это неслыханное злодеяние.

– Так, говори! Ну! Ну же! – герптшцог принялся трясти гоблина.

– Если... самый мудрый... из губернаторов... отпустит меня... то я... смогу... смогу...

Наконец, догадавшись, что Пшенг вот-вот задохнется, Ули-Клун поставил несчастного виночерпия на пол и грозно над ним навис:

– Ну?!

Гоблин приподнялся на цыпочки, пытаясь дотянуться до уха своего господина, и принялся шептать.

– Ах, вот оно что! – в вопле губернатора, потрясем своды тронного зала, можно было разобрать одновременно негодующие и ликующие нотки. – Но вдруг это всего лишь очередная сплетня?

– Нет, ваше превосходительство, – в молитвенном жесте сложил руки на груди гоблин. – Я слышал это своими собственными ушами.

– В таком случае объяви это громко, для всех.

Пшенг не заставил просить себя дважды. Повернувшись к взиравшей на него толпе, он выдержал небольшую паузу, набрал в грудь побольше воздуха и на одном дыхании выпалил:

– Когда тело несчастного господина Меналы увезли в факультетский замок, профессор Чаб подошел к декану Кшиштовицкому и сказал ему с упреком: «Он погиб из-за твоей магии, Эразм!» На что декан Кшиштовицкий ответил: «Да, это я во всем виноват!» Вот...

* * *

Декан Эразм Кшиштовицкий в одиночестве стоял в малом экзаменационном зале факультета, вблизи стола, на котором, прикрытое до подбородка простой тканью, лежало тело профессора Меналы. Копье-нос магической рыбины из груди покойного успели вытащить, а выступившую кровь – смыть. Кшиштовицкий вспоминал.

Он познакомился с Меналой в годы юности и теперь вспоминал те множества шалостей, которые они вместе проделывали еще, будучи студентами, вспоминал общие победы и неудачи на рыболовных соревнованиях, вспоминал, как учились, сдавали экзамены, становились преподавателями Факультета Рыболовной магии, как совсем недавно плечом к плечу отражали Прорыв.

– Эх, Менала, Менала, – горестно вздохнул декан. – Это же из-за меня ты погиб, хоть и не хотел я этого, видит Светлая вода, – не хотел! Как же так получилось? Что за трагическая ошибка вкралась в мои расчеты?

Кшиштовицкий принялся перебирать в памяти все этапы примененного во время сегодняшних соревнований колдовства. Он мог дать руку на отсечение, что все было учтено: положение планет, фаза луны, направление ветра; не было ошибки и в произнесенном им магическом речитативе, и проделываемых пассах над макетом местности. Все, все он делал правильно, да и магическое заклинание было направлено лишь на перемещение рыбы из одних секторов в другие, но никак не на возникновение катаклизмов! И профессор Чаб, при-

бежавший к нему кабинет и заставший за магическим действием, сделал слишком поспешные и выводы. Если Кшиштовицкий и был виноват в случившейся беде, то лишь косвенно...

В дверь коротко постучали, и на пороге появился юноша с бледными кругами под глазами.

– Господин декан, – негромко произнес Курт, – простите, что мешаю вам... но тут такое... очень важное дело...

– Да, студиоз, говори.

– Там, у Главных ворот, бой идет! – ошарашил Кшиштовицкого вампир. – Герптшцогские троглины пробиваются в замок. И сам Ули-Клун с ними. Обвиняет вас в черном колдовстве, и говорит, что вас надо арестовать, а факультет закрыть. Их много, и долго наши тролли не продержатся. Надо усилить оборону и срочно слать гонца в Академию...

– Нет! – прервал Курта декан. – Не надо ничего усиливать и никого никуда посылать. Я выхожу к Герптшцогу.

– Как?! – и без того бледный вампир, стал похож на серую ткань, покрывавшую тело профессора Менылы. – Как выходите!

– Я не имею права отрицать своей вины и готов ответить перед законом.

– А как же наш Факультет?

– Не волнуйся, студиоз, никто не посмеет закрыть Факультет Рыболовной магии, даже сам Ули-Клун.

Кшиштовицкий бросил последний взгляд на Менылу и покинул малый экзаменационный зал.

* * *

Перед Главными воротами замка Факультета Рыболовной магии, закрытыми и запертыми изнутри, суетились не только герптшцогские стражники, но собралась и довольно внушительная толпа. В основном – жители Фалленблека. Но стояли в толпе и директор факультетской библиотеки господин Чаб, и профессор юриспруденции эльф Малач, и студентка-первокурсница лекпинка Ксана, другие преподаватели и студенты.

Но если они, не имея возможности попасть в родные стены Факультета, ничего для этого и не предпринимали, то герптшцогские троглины-стражники прилагали к этому немало усилий. Орудием проникновения они избрали таран – наскоро спиленное дерево, закрепленное на телеге, которым с разгону пытались разнести ворота. Больше всех суетился начальник стражи господин Еноварм, голову которого украшал стальной шлем вместо привычного кожаного.

– Поторопись, поторопись, енотовидные! – азартно руководил тот подчиненными. – Государственного преступника ловим. Тыркайте, тыркайте таранчиком!

Усердия троглином было не занимать. Казалось, сломайся их импровизированный таран, и вместо него стражники продолжали бы ломиться в ворота собственными головами. Однако до сих пор в щепки была разнесена только караульная будка.

Молодой тролль Поско, дежуривший в этой будке и первым заметивший приближавшихся стражников герптшцога Ули-Клуна, успел вовремя ее покинуть и закрыть ворота буквально перед носом троглинов. И до сих пор Поско вместе со своим начальником, пожилым троллем по имени Еффы были единственными, кто оказывал сопротивление непрошенным гостям. Сопротивление, надо сказать, действенное. Прежде чем отряд троглинов начал таранить ворота, десяток гоблинов-пращевиков, также состоящих на службе у герптшцога, осыпали камнями Большую Западную башню, в которой укрылись факультетские стражники. Ни Еффы, ни его помощнику эти камни ущерба не нанесли, зато теперь те же самые камни нет-нет, да летели обратно. Летели достаточно точно: мало того, что были ранены несколько

троглинов и гоблинов-пращевиков, так еще пострадал и сам герптшцог. Брошенный Поско булыжничек величиной со страусиное яйцо, отскочив от земли, угодил Ули-Клуну в коленную чашечку!

Во второй раз за сегодняшний день герптшцог распластался на земле и во второй раз перепачкал свое парадное одеяние. Но если утром на берегу Ловашни он отделался лишь легкой царапиной на щеке, то с распухшей коленкой дело обстояло посерьезней. Однако отступить Ули-Клун не собирался. Отдав приказ прекратить обстрел башни, чтобы не доставлять факультетским стражникам боеприпасы, он не без помощи слуг доковылял до своей кареты и теперь сидел в ней, наблюдая за происходящим и молча проклинал все на свете и в первую очередь декана Кшиштовицкого.

С не меньшим интересом наблюдал за штурмом ворот профессор Малач. Особое внимание уделяя придворным магам, приехавшим под стены факультетского замка вместе с герптшцогом. Ох, не просто так они стояли и смотрели на атакующих ворота троглинов, неспроста, образовав неровный пятиугольник, поставили шестого мага в центр, и неспроста этот маг вскидывал вверх руку всякий раз перед тем, как разогнавшийся таран должен был ударить в ворота, после чего тут же ее опускал.

– Ксана, пойдем-ка отсюда, – наконец, обратился он к молодой лекпинке, стоявшей рядом и еле сдерживающей подкатывавшие на глаза слезы.

Взяв студентку за руку, профессор протиснулся с ней через толпу и быстрым шагом повел к ближайшему леску, на крохотную поляну. Где, присев на корточки и глядя девушке в глаза, серьезно сказал:

– Вот что, Ксаночка, здесь неизвестно когда и неизвестно чем все закончится. Похоже, Ули-Клун настроен серьезно. А чтобы достойно ему противостоять, главное, сразу не наломать дров. Поэтому я прошу тебя кое в чем мне помочь. Сейчас я применю магию превращения и исчезну. А ты возьми мою одежду и быстренько уходи отсюда, но не домой, а на берег озера Зуро. Жди меня напротив черного входа в дом дядюшки Чассока. Хорошо?

– Что ты собираешься делать? – Ксана нервно поправила на переносице очки.

– Хочу побыстрее во всем разобраться, – эльф сдернул с себя плащ и сунул его в руки девушки. – Ули-Клун со своими магами явно что-то задумал. Что-то противозаконное.

– Когда ты... появишься? – спросила лекпинка, прикусив губу.

– Не волнуйся и не расстраивайся, – Малач взял Ксану за плечи и, наклонившись, ненадолго прильнул губами к ее губам. – Если не случится что-то очень серьезное, то я окажусь на нашем месте раньше тебя.

Чтобы не тратить больше времени, Малач резко поднялся и сделал три шага назад. Затем левой рукой прикрыл глаза, правой выхватил из ножен шпагу и принялся выводить ею в воздухе замысловатые пассы, выкрикивая что-то на эльфийском. Затем отпустил шпагу, и она осталась висеть в воздухе, а сам профессор крутанулся вокруг своей оси, крутанулся еще раз, закрутился волчком так, что Ксана перестала различать его черты и через несколько мгновений исчез. Осталась лишь разбросанная по сторонам одежда, и шпага, острием воткнувшаяся в землю.

* * *

Троль Уфф-тогг, племянник начальника пожарной охраны Ау-шпонгга, служил в факультетской страже всего третью неделю. Как и многие молодые тролли Уфф-тогг горел желанием показать себя с самой лучшей стороны, поэтому к своим обязанностям относился добросовестно, можно даже сказать со рвением. Вот и на свое очередное дежурство стражник решил заступить пораньше только затем, чтобы заслужить слова одобрения у старшего

товарища, тролля Грузда, который поджидал окончания смены в Надвратной башне Южных ворот Факультета.

Взойдя на стену факультетского замка, Уфф-тогг сначала не придавал значения облачку пыли, что вдалеке поднималось над дорогой, ведущей к воротам. Но по мере приближения понял, что это не просто облачко, что его оставляет отряд всадников, причем вооруженных. Что делать в подобном случае, молодой тролль хорошо знал – недаром изучал инструкцию, которая гласила: «...тревогу поднять, прежде всего, обязан стражник, громким криком, либо ударом в набат, после чего приготовиться к обороне в башне, к которой он приписан на текущее дежурство». Однако тролль-стражник Грузд, который давно должен был заметить отряд из Надвратной башни, тревогу до сих пор не поднял.

Вообще-то за Груздом водился грешок – любил он вздремнуть на посту, и Уфф-тоггу уже пару раз доводилось будить старшего товарища. Однако на этот раз Грузд не спал, хоть и лежал на полу у смотрового окна башни. Во-первых, тролль не храпел, как обычно, а во-вторых, приглядевшись, Уфф-тогг увидел, торчащий из шеи стражника кинжал. Он подскочил к несчастному, вытащил оружие убийства, после чего протянул руку к веревке набата.

– Не торопись, – раздалось за спиной, и молодой тролль почувствовал, как рука немеет, а ноги перестают слушаться.

– Той – на-а-а, тит – то-о-й, тай – ра-а-а, – неторопливо говорил кто-то сзади.

Уфф-тогг медленно оглянулся и различил в углу, в сумраке башни неясную тень. Он захотел броситься на неизвестного, но силы стали покидать его крупное тело бак же быстро, как вода убегает из треснувшего кувшина.

– Ти – та-й-й, – сказал колдун, и кинжал выпал из безвольной руки, а сам Уфф-тогг, со звуком падающего на каменный пол мешка с костями, рухнул на колени.

– Ту – ти-й-й, отлично. А теперь, смерд, ты должен открыть ворота доблестной стражи герптшцога Ули-Клуна.

Несчастный тролль, не поднимаясь с колен, пополз в противоположный угол башни, где находился ворот, приводящий в движение подъемный механизм Южных ворот замка. Ворот скрипнул, и тяжеленные ворота, добротнo сработанные гномами и способные выдержать любой таран, поползли вверх, открывая путь в замок приближающимся всадникам. Уфф-тогг крутил ворот и плакал, жалея себя, жалея свою несостоявшуюся карьеру стражника, жалея несчастного Грузда, который так не вовремя уснул на посту...

– Ту – тей-й-й, – сказал прячущийся в тени, когда ворота оказались полностью открыты. – А теперь подойди сюда, смерд.

Уфф-тогг, кое-как поднялся на ноги и сделал несколько неуверенных шагов.

– Подними кинжал и подойди ближе, – приказал колдун.

Уфф-тогг исполнил приказание. Наконец он смог различить лицо убийцы, а за ним – еще несколько фигурок. Это были гоблины и так же, как колдун-человек, они не шевелились.

– А теперь, смерд, я хочу увидеть цвет твоей тролльской крови! Ти – тей-й-й!

Рука Уфф-тогга, сжимающая кинжал, взмыла вверх, неестественно изогнулась и начала медленно опускаться, приближая окрашенное кровью Грузда острие лезвия к своему левому глазу. Лезвие проткнуло глаз все так же медленно и без рывков погрузилось в него по самую рукоять. Только после этого Уфф-тогг вздрогнул и упал лицом вниз. Последнее, что видел оставшийся целым глаз стражника, были приближающиеся квадратные носки сапог колдуна, забрызганные тролльской кровью.

Сам владетель сапог, вопреки только что высказанному желанию, никакого внимания на обрызгавшую сапоги кровь не обратил. Обернувшись к застывшим за спиной шестерке, колдун наставил на них руки с растопыренными пальцами и резко выкрикнул:

– То-той!

Гоблины мгновенно обмякли и словно проснулись. Удовлетворенно хмыкнув, колдун толчком ноги перевернул тело тролля на спину, затем соизволил наклониться и вытащить кинжал из глазницы, и, не очищая лезвия, засунул оружие в висевшие под плащом ножны. И лишь слегка поманив пальцем, пошел прочь из башни. Гоблины поплелись за ним, по всему было видно, что на ногах представители зеленого племени еле держатся.

* * *

Магический Эзошмель, в которого превратился эльф Малач благодаря произнесенному заклинанию, взмыл в небо. В последний раз Малач проделывал такое полтора месяца назад. Но тогда подготовка к заклинанию прошла более тщательно, к тому же все происходило в кабинете профессора, поэтому Эзошмель смог подняться в воздух, имея при себе шпагу, уменьшенную до соответствующих размеров. Теперь шпага осталась у ног растерянной Ксаны, а появившееся вместо эльфа магическое насекомое она даже не заметила.

А если бы и заметила, то, несмотря на очки, вряд ли бы сумела различить, что у существа, жужжащего от нее в каком-то метре, вместо передней пары лапок – две руки, вместо задней пары лапок – две ноги, а вместо мохнатой мордочки – многократно уменьшенное лицо профессора Малача.

Зато Эзошмель, обладая уникальными возможностями фиксирующего зрения, мог различить черты лица лекпинки даже с высоты птичьего полета. Но сейчас ему было не до симпатичной первокурсницы. К стенам Факультетом Рыболовной магии подступила беда, и с этой бедой необходимо было как-то разобраться.

Эзошмель достиг высоты носящихся в поднебесье ласточек и только тогда посмотрел вниз на факультетский замок. За исключением того, что напротив Западных ворот крепости образовалась немалая толпа, а сами ворота периодически проверялись на прочность импровизированным тараном, приводимым в действие неутомимыми герптшцогскими троглинами, все внизу выглядело совершенно обыденно. По чистым улицам факультетского городка прогуливались студенты, преподаватели и стражники. Разве что, то тут то там были видны небольшие группки, в кругу которых, наверняка обсуждались перипетии утренних соревнований и прервавшей их катастрофы. Однако никто из тех, кто был внизу, никоим образом не реагировал на, казалось, неслабый звук, который должен был издавать таран троглинов. Странно! Не могло же им всем одновременно уши заложить!

Малач-эзошмель обратил взор за пределы факультетского замка. Река Ловашня, озеро Зуро, леса, леса, поле, дорога, пересекающая поле и ведущая к Южным воротам Факультета... И облако пыли, приближающееся к воротам... И отряд всадников, эту пыль поднимающий... Враги? Сообщники Ули-Клуна, собирающиеся напасть на Факультет с тыла? Куда им?! Южные ворота не менее прочные, чем Западные...

Но что это? Ворота, такие надежные, непробиваемые Южные ворота, вдруг начали подниматься, и щель между их нижним краем и землей стала быстро увеличиваться! Заложив крутой вираж, Эзошмель устремился вниз, чтобы узнать, кто посмел открыть неприятелю вход в замок.

Столкновение произошло примерно на полпути к земле. На всей скорости Эзошмель врезался в невидимую преграду, и не оказавшись эта преграда податливо-упругой, наверняка разбился бы в лепешку. И все-таки столкновение оказалось ощутимым настолько, что эзошмель-Малач ненадолго потерял сознание. А когда очнулся, понял, что висит-лежит в воздухе на почти прозрачной перине, которая огромной сферой обволакивала факультетский замок.

Вот оно что! Малач догадался, что эту изоляционную сферу создали придворные герптшцогские маги, и из-за нее никто в городке не догадывается о происходящем у Запад-

ных ворот. Когда таран бил в ворота, один из магов снимал защиту сферы и в то же время посредством направленно импульса гасил звук удара. В эти короткие мгновения таран мог пробить ворота, но и факультетские стражники получали возможность бросаться булыжниками. Затем сфера восстанавливалась.

А сейчас, она вновь исчезла, потому что Эзошмель вдруг перестал чувствовать под собой «перину» и, кувыркаясь, полетел вниз.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы полет превратился не в падение, а в планирование, чтобы приземлиться не на мостовые Факультета, а в сад друга Малача, господина Воль-Дер-Мара.

Зуйка, как раз появившаяся на крыльце дома, не заметила, как Эзошмель спланировал на куст красной смородины, зато прекрасно рассмотрела неожиданно поднявшегося во весь рост и нетвердой походкой вышедшего на садовую дорожку обнаженного эльфа.

– Здравствуйте, господин профессор! – сказала ведьмочка и, не удержавшись, приснула в кулачок.

– Что ж, ты пялишься-то, бесстыдница! – упрекнул ее Малач, но, видя, что Зуйка все равно не отводит от него любопытного взгляда, прикрылся сорванным смородиновым листочком.

Одного листика оказалось маловато, и эльф сорвал дрожащей рукой еще два или три, чем вызвал у Зуйки неудержимый приступ хохота. В других обстоятельствах он и сам бы посмеялся над возникшей ситуацией. Но сейчас было не до смеха.

– Здравствуйте, господин профессор! – прозвучало сзади эльфа еще одно приветствие.

Под воблерным деревом стоял с граблями в руках гoblin Кызль. Малач вспомнил, что после памятной истории с Прорывом и Зуйка, и Кызль по приглашению хозяина временно поселились в этом доме в двух гостевых комнатах. По словам Воль-Дер-Мара, чтобы не чувствовать себя нахлебниками, Кызль вызвался ухаживать за садом (чем и занимался с немалым усердием), а Зуйка стала хозяйничать по дому. И делала она это тоже со всем старанием, в чем Малач убедился, приходя, друг к другу в гости. Убедился он и в том, что одну из гостевых комнат хозяин выделял напрасно, во всяком случае, Зуйка ночевала не в ней, а в спальне Воль-Дер-Мара...

– Друзья, отставить смех и лишние вопросы! – сказал эльф приказным тоном. – Все очень, **ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО!**

Зуйка мгновенно прекратила смех, Кызль, отбросив грабли, подскочил к профессору, и в дополнение из-под лопухов на садовую дорожку выскочили сразу две Манюанны – разумные черепахи, исполняющие во владениях Воль-Дер-Мара роль сторожей.

– Прошу вас без промедления выполнить все, что я скажу! – Малач посмотрел сначала на гоблина, потом на девушку. – В настоящую минуту в наш Факультет прорываются стражники Ули-Клуна, придворные маги тоже принимают в этом участие. Западные ворота пока держатся, а вот Южные кто-то открыл! Зуйка, ты должна разузнать, кто это сделал. Беги туда со всех ног и не проворонь предателя! Только осторожней! – Крикнул он уже вслед сорвавшейся с места ведьмочке. После чего обратился к гоблину:

– Ну а тебя, дружище Кызль, я попрошу проводить меня в дом и попотчевать кое-какими снадобьями твоего хозяина, – сказал Малач и если бы не ухватился за плечо гоблина, так и свалился бы на садовую дорожку.

* * *

Сегодняшний день оказался далеко не из лучших. Зуйка бежала по улицам факультетского городка все в том же спортивном костюмчике, в котором утром отправилась на берег залива Премудрый понаблюдать за соревнованиями мормышечников и за судившим

эти соревнования Воль-Дер-Маром. За ее Водем. Который исчез вместе с половиной участников соревнований во время непонятного катаклизма.

Может, кто-то и поверил, что это была такая «шутка» природы, но только не она. Своим ведьминским чутьем Зуйка сразу распознала магию. Черную магию. И та же самая магия обрушилась на Ловашню, та же черная магия погубила Главу Коллегии рыболовных соревнований, господина Меналу...

Нельзя сказать, что Зуйка сильно переживала по поводу гибели господина Меналы. Но и он, и она вместе останавливали Прорыв, на одной палубе и она, и господин Менала проливали свою кровь. А это было достойно уважения!

Гораздо сильнее беспокоилась Зуйка за своих пропавших товарищей. В первую очередь, конечно, за Воль-Дер-Мара, но не в меньшей степени и за маленьких обаятельных Железяку и Тубуза, за громилу Пуслана и силача Четвеерга, за хитреца Мухоола и душку Шермиллу, за всех, с кем в недалеком прошлом успела подружиться и в душе даже породниться. Но опять же ведьминское чутье подсказывало ей, что настоящая беда ни с кем из них пока не случилась, что все они живы. И она понимала: чтобы настоящей беды впредь не случилось ни с ними, ни с ней, сейчас она должна исполнить приказ профессора Малача. И бежала, бежала со всех ног к Южным воротам факультетского замка, через которые уже влетали всадники на разгоряченных конях. Судя по цветам на развевающихся плащах, это был отборный отряд герптшцогской гвардии, состоящий исключительно из людей.

Чтобы не попасть под копыта лошадей, Зуйка метнулась к стене замка, не без труда разминулась с группкой гоблинов, еле передвигающих ногами, и по крутым ступенькам взбежала на стену. Она не собиралась прятаться, да на стене и негде было спрятаться, поэтому еще через несколько секунд вбежала в надвратную башню Южных ворот. Где и увидела на полу тела двух троллей.

Зуйка остолбенела. Кого – кого, а представителей тролльского племени, до этого момента она как-то слабо представляла мертвыми. Поэтому решила убедиться, что глаза ее не обманывают и присела рядом с Уфф-тоггом. Голова тролля буквально плавала в луже крови.

– А вот так поступать с бедными стражничками было совсем необязательно!

Зуйка вздрогнула. У двери, противоположной той, через которую она попала в надвратную башню, стояли три гвардейца, двое держали направленные на нее арбалеты.

– Лейтенант гвардии Ноенн! – представился стоявший в центре и державший в руке обнаженную шпагу. – Имеет честь арестовать вас, мадам, по обвинению в убийстве!

– В убийстве? – переспросила Зуйка и, прежде чем подняться опустила правую ладонь в черную лужу. – Ты видел, что я кого-нибудь убила?

– Я вижу два трупа, – ухмыльнулся лейтенант, – и рядом с ними человека, которому абсолютно нечего делать в сторожевой башне.

– И как же, по-твоему, хрупкая девушка смогла бы убить двух здоровенных троллей? – сузив глаза в две щелки, Зуйка стала медленно подходить к гвардейцам.

– Так, говорят, в вашем Факультете черные колдуны появились. Может, ты одна из них?

– Может, из них... – Зуйка подошла к гвардейцам совсем близко. – А ты это докажи...

Ухмылка сползла с лица Ноенна, гвардейцы, державшие арбалеты на уровне живота, теперь подняли их на уровень груди. Лейтенант вскинул шпагу, острие которой едва не коснулось горла девушки, и выкрикнул:

– А ну, признавайся, ведьма!

– Вот тебе мое признание! – Зуйка хлопнула перед собой левой ладонью об испачканную правую, и разлетевшиеся кровавые брызги попали на лица все трем гвардейцам, заставив их закрыть глаза.

Брызг оказалось много, больше всего досталось арбалетчикам, лица которых превратились в грязно-зеленые маски. И пока Ноенн, отплеываясь, размазывал по лицу троллюю кровь, арбалетчики, ничего не видя, опустили и направили арбалеты на ноги своего лейтенанта, после чего нажали на спусковые курки. Две стрелы пронзили ступни Ноенна, припилив их к дощатому полу.

Завопив во всю глотку, так же, ничего не видящий лейтенант, принялся размахивать шпагой направо и налево, и к его воплям присоединились еще два. Когда же Ноенн сумел таки разлепить глаза, то увидел катающихся по полу стонущих и держащихся за лица, изувеченных шпагой гвардейцев. А та, которая с ними все это сотворила, словно испарилась.

* * *

Не успели Эразм Кшиштовицкий и сопровождавший его Курт выйти на улицу, как из-за угла здания на полном скаку выскочили всадники. Вооруженные с головы до ног гвардейцы герптшцога Ули-Клуна помчались прямо к декану, который остановился, скрестил руки на груди и с хмурым выражением лица стал ждать дальнейшего развития событий.

После того, как гвардейца взяли Кшиштовицкого и Курта в кольцо, вперед выдвинулся невысокий всадник на пестрой кобылке. В таком же, как у гвардейцев шлеме, украшенном длинными синими перьями, но облаченный в мантию главного придворного мага, господин Зе-Риид имел, по сравнению со своими бравыми сопровождающими совсем невыразительную внешность: блеклые брови, кривая бородавка на переносице, вместо усов – какие-то жиденькие клочочки. Но именно он был главным среди всадников.

– Взять изменника! – скомандовал Зе-Риид, ткнув указательным пальцем в Эразма Кшиштовицкого.

– Кто впустил вас на территорию моего замка?! – возмущенно воскликнул декан. Он собирался добровольно отдаться в руки правосудия, но вышло так, что его хватают действительно как какого-то изменника или заговорщика.

– Твоего, говоришь? Бывшего твоего! – один из спешившихся всадников угрожающе направил копьё на грудь Кшиштовицкого. – Черный колдун!

В глазах декана мелькнула молния, копьё моментально покрылось белым налетом инея, а гвардеец с криком отбросил его и принялся дуть на свои ладони, словно чем-то сильно их обжег. Следующих ход сделал придворный маг.

Зе-Риид взмахнул появившимся в руке синего цвета жезлом, из набалдашника которого вырвался и метнулся в сторону декана серый шар размером с кулак человека. Перед своей целью шар лопнул, превратившись в тонкую сеть, накрывшую декана и лишившую его способности двигаться. Декана тут же подхватили под руки два гвардейца, а придворный маг, указав на Курта, отдал еще один приказ:

– Щенка тоже возьмите!

– Ну, уж это вряд ли! – оскалился вампир.

Ближайший гвардеец бросился к нему, но Курт присел и накиннул на голову плащ, укрывший его от вечерних солнечных лучей. В следующую секунду из-под плаща выпорхнула летучая мышь и, ударив крыльями по лицу разинувшего от удивления рот гвардейца, взмыла вверх.

Вот только невысоко. Из жезла главного придворного мага вырвался еще один серый шар, и сеть обездвижения накрыла и надежно окутала летучую мышь, упавшую на землю.

– Обоих – в герптшцогские казематы! – приказал Зе-Риид гвардейцам. – Да поторапливайтесь, сеть обездвижения действует не дольше часа.

* * *

– Прекратите! Еноварм, прекратите ломать ворота! – окликнул начальника стражи герптшцог Ули-Клун, после того, как выслушал доклад одного из своих магов.

– Но нам осталось совсем немного, ваше прихвостительство! – удивился раскрасневшийся Еноварм.

– Не надо, я сказал, ломать! – повысил голос герптшцог. – Зачем же крушить свой собственный замок?!

– Собственный? – переспросил начальник стражи. Лицо его выразило крайнее замешательство.

– Все уже кончено! – герптшцог вылез из кареты и скривился от боли в ноге. – Кшишто-вицкий арестован. Мои доблестные гвардейцы внутри замка и с минуту на минуту откроют эти проклятые ворота.

– Ага... Откроют, значит...

– Да останови же, наконец, таран, бестолочь! – рявкнул Ули-Клун, заставив Еноварма подскочить на месте.

– Остановися, остановися, енотовидные! – заорал он троглиам, как раз начавшим очередной разгон импровизированного тарана. – Разобьете дверь, кто чинить будет? Кто, я вас спрашиваю, бестолочи?!

Но те, то ли его не расслышали, то ли не поняли и продолжили разгон телеги. В порыве служебного рвения Еноварм бросился им наперерез и подставил одному из троглинов ножку. Тот споткнулся и шлепнулся на землю, бегущий следом троглин налетел на него, образовалась куча мала, и телега с закрепленным на ней деревом прекратила движение.

– Вот так-то, енотовидные, – довольно улыбнулся Еноварм, и в этот момент, метко брошенный сверху троллем Поско камень, угодил в блестящий на солнце шлем начальника герптшцогской стражи.

– Ай-й-й-й-й! – разнеслось далеко по окрестностям...

Глава пятая

Опасные существа Неароматных болот

Железяку привел в чувство раздавшийся где-то поблизости истошный вопль. Открыв глаза, он заморгал, стараясь разогнать застилавшую красную пелену. И тут же пожалел, что сделал это – каждое моргание отзывалось в голове вспышкой боли. Кроме боли лекпин отметил еще сразу несколько неприятных ощущений: во-первых, ему было невыносимо жарко, во-вторых, по близости чем-то отвратительно воняло, и, в-третьих, кажется, он висел вниз головой, причем, совершенно не мог двигаться.

Вопль повторился и как-то нехорошо оборвался. Открыть глаза все-таки пришлось. Железяка посмотрел вниз, но лучше бы этого не делал! Метрах в трех под ним из воды грязно-бурого цвета торчало всего несколько невысоких кочек, покрытых клочками травы, и между этих кочек скользило толстенное змееподобное тело с узором в виде множества белых и розоватых ромбов на широкой чешуйчатой спине. Которое вдруг дернулось, задрожало и заскользило в обратном направлении. Железяке удалось перевести взгляд в ту же сторону. Змея, или что это было на самом деле, ползла не сама, ее тащили!

Больше всего эти два существа походили на варанов, картинки которых Железяка встречал на страницах зоологической энциклопедии. Но в отличие от тех эти были с тремя парами лап и с вытянутыми, крокодильими мордами. Пятясь и по очереди, перехватывая передними лапами и прикусывая змеиное тело острозубыми пастями, вараны метр за метром подтягивали к себе жертву. Хвост и часть тела, испытывшее на себе крепость зубов, лишь конвульсивно подергивался, другая часть змеи упруго извивалась. Железяка успел задаться вопросом, почему такая огромная змея, не переходит в атаку, и с ужасом понял, почему она не может этого сделать. Раздутая пасть чудища была занята другой, не полностью проглоченной жертвой. Из нее торчали две ноги, обутые точно в такие же ярко раскрашенные сапоги, которые обычно носил на подледной рыбалке гном Четверг Двести второй...

* * *

– Железяка-а-а! Мухоо-ол! Гр, куда подевались? Господин Воль, гр, где вы все? – почти не переставая, выкрикивал Пуслан, бредя по зыбкой болотистой почве.

Через плечо тролля был перекинут рыболовный ящик, в правой руке – вырванная с корнем березка, которой он при каждом шаге тыкал перед собой, не желая неожиданно искупаться в скрытой под водой яме. Левая рука висела на перевязи. Мало того, что Пуслан ее сильно ушиб, так еще и разодрал локоть, и теперь запах тролльской крови, пропитавший перевязь, привлекал бесчисленных болотных насекомых, с гудением кружащих над его головой.

Впрочем, на кровососов Пуслан меньше всего обращал внимания. Гораздо больше он жалел об утопленном во время катаклизма на озере Зуро ломе, заменявшим ему пешню для выдалбливания во льду лунок. И подстраховочных воздушных шариков тоже было жалко, сейчас, в этом болоте, они могли бы сослужить грузному троллю немалую службу.

Но и эти потери были пустяковыми, по сравнению, с исчезновением друзей, с которыми он вместе ловил рыбу на льдине! Утешало лишь то, что сам Пуслан спасся, вынырнул из воронки, образовавшейся на озере Зуро, и очутился здесь на болоте. Значит, и остальные могли так же спастись. Значит, их необходимо найти, ведь он, как-никак, был избран капитаном мормышечников-первокурсников и отвечал за своих подопечных.

– Эй, гр, Пуслан тут! Где вы?

От того места, где он очнулся, Пуслан пустился в розыски концентрическими кругами, постепенно расширяя поиск. Он брел, выкрикивая имена друзей, призывая откликнуться хоть кого-нибудь. Местность вокруг вселяла неприятное чувство. Хилые кустики и деревца, то тут, то там торчащие из дурно пахнущей воды, были покрыты бугристой черноватой корой с темно-зеленым мхом, на кривых ветках почти не было листьев. Когда тролль ненароком задевал деревья, с них слетали новые полчища насекомых, и гудение-жужжание над головой усиливалось.

Пуслан не отчаивался. Он готов был искать до тех пор, пока не найдет друзей, либо не свалится от усталости. Силенок у тролля хватало, потеря крови пока не беспокоила, а, проголодавшись, он собирался подкрепиться рыбой, которую успел наловить во время соревнований, хранившейся в рыболовном ящике, закинутом за спину...

Сначала в нос ударила резкая, покрывающая все остальные запахи, вонища. Затем Пуслан обнаружил ярко-желтое когтисое щупальце, валявшееся в небольшой лужице цвета куриного желтка и издававшее эту самую вонь. И только потом внимание привлек блеск в кустах.

– Гр, вот! – обрадовался Пуслан. – Большая вода меня забери, гр, да это гномий топор!

Подняв любимое оружие гномьего племени, тролль вытер о мох испачканное лезвие и прочитал выгравированную на нем надпись: «ЧЕТВЕЕРГ – 202».

– Гр, молодец, Четвеерг! Медузу убил!

Судя по невыносимому запаху и цвету, гном, или тот, кто пустил в дело топор, в самом деле, отрубил ядовитое щупальце трехлапистой болотной медузе, которая, как известно, обязательно погибает, лишившись одного из трех своих отростков. Но погибает не мгновенно, прежде сделав все возможное, чтобы настигнуть своего убийцу. Внешне действительно схожие с обыкновенными морскими соплеменницами, трехлапистые болотистые медузы превышали размером высокую собаку, и могли совершать плавные, но далекие прыжки даже на двух щупальцах, не говоря уже о том, что были способны довольно далеко и прицельно выплевывать из этих щупалец парализующий жертву яд.

– Эй, Четвеерг, ты где? – вновь закричал тролль. – Пуслан тут.

Присмотревшись, он заметил на влажном мху примятости, явно оставленные чьими-то ногами, и, заткнув за пояс топор сокурсника, пошел вдоль них, все так же тыкая перед собой кривой березкой.

Нельзя было сказать, что Пуслан очень уж привязался к задаваке Четвергу Двести второму, пусть даже им вместе достаточно довелось пережить во время противостояния Прорыву. К тому же издревле сложилось, что тролли и гномы не очень между собой ладили. Но не бросать же в болоте товарища по команде, который лишился оружия и подвергается нешуточной опасности!

Не прошел Пуслан шагов двадцати, как на мху, помимо следов ног, появился прерывистый след желтой слизи.

– Гр, гр, – удовлетворенно, но в то же время обеспокоено выдавил тролль.

Получалось, что направление поиска Четверга, он выбрал верное, но с другой стороны – раненая медуза, по-видимому, стремилась добраться до гнома с не меньшей прытью. Поэтому, когда впереди на кочке показалось ярко-желтое пятно, Пуслан прибавил ходу и даже отбросил в сторону березку, вместо которой зажал в руке топор.

Однако чтобы справиться с трехлапистой болотистой медузой, топор уже не понадобился. Вонючая тварь сдохла на кочке, так и не добравшись до гнома.

Или все-таки добравшись?

Пуслан затылком ощутил устремленный на себя взгляд, резко повернулся и увидел росшее неподалеку дерево. Ствол его, не в пример остальным, росшим на болоте деревьям, был довольно толстым. Но еще толще была длинная ветка, которая на уровне тролльей головы

под прямым углом отходила от ствола и имела посередине странное изогнутое спиралью утолщение.

Сразу обо всем догадавшись, Пуслан в несколько прыжков оказался под веткой самого опасного для живых существ дерева, со странным названием «Вораз». Птицы никогда не вили гнезд на его ветках, белки, другие мелкие животные, и даже муравьи старательно избегали Вораз, ведь стоило кому-то прикоснуться к этому редчайшему дереву, как липкая смола вмиг приклеивалась к жертве, а гибкая кора незамедлительно начинала ее оплетать до тех пор, пока не образовывался нарост, со временем рассасываемый хищным стволом.

Гном Четверг Двести второй избежал щупалец и яда трехлапистой медузы, но угодил в не менее смертельную ловушку и сейчас, полуобернутый вокруг ветки, почти до носа спеленатый корой, имел возможность лишь умоляюще смотреть на тролля. Не теряя драгоценных секунд, Пуслан размахнулся и, вложив в удар всю свою тролльную силу, рубанул топором по основанию ветки. Если бы удар оказался чуть-чуть послабей, лезвие топора, навсегда увязло бы в смоле Вораз, но верзила не подвел, и потомственный гномий топор в очередной раз выручил хозяина. Ветка свалилась на мох, едва не придавив срубившего ее тролля. Пуслан успел отскочить, но, увидев, что язык коры, продолжая расти, вот-вот наедет Четвергу на нос, примерился, аккуратно стукнул и мгновенно выдернул, не успевший увязнуть в смоле топор, отрубив вместе с хищным отростком значительный кусок гномьей бороды.

– М-м-м-м-м... с-спасибо, громила, – только и смог сказать Четверг, челюсти которого едва двигались.

– Гр, гр, Пуслан, тут, – тролль, забывший о раненой левой руке, вытер пот, выступивший на лбу. – Спасибо – рано! Смола сейчас разъедать тебя начнет, гр! И гном, разрушающий скалы, падет жертвой дерева. Вот будет смешно, гр, гр...

– Не-е-е-е-ет! – уже во весь голос взмолился Четверг. – Сделай что-нибудь, громила, сделай, Пусла-анчик...

– Гр, так, кто я? Громила, или Пусланчик? – спросил тот, строго глядя на гнома, буквально обернутого вокруг ветки, кора которой, образуя все новые и новые языки, продолжала плотоядно удлиняться. – Какой же я громила?! Я, гр, очень добрый и культурный тролль!!!

– Да, да! – закричал Четверг, которого все больше начинало закручивать вокруг ветки в спираль. – Ты – добрый. Я никогда больше не буду называть тебя громилой, только освободи меня!

– Гр, тогда приготовься немного потерпеть, храбрый гном, – сказал Пуслан. Последующие его действия стали очень быстрыми, – так владелец трактира «Две веселые русалки» гном Мога-Йога, сноровисто смешивает коктейли для кредитоспособных клиентов. Теперь уже совершенно забыв про раненую руку, Пуслан скинул с плеч рыболовный ящик, открыл крышку специального отсека, достал из него каменную чашку и каменную же бутылочку, откупорил притертую крышку и капнул несколько капель темно-синей жидкости в чашку, после чего зачем-то смачно плюнул в нее два раза. Осмотревшись, вырвал поблизости из-под ног кусочек мокрого мха, понюхал его, выбросил, вырвал еще один кусочек, вновь понюхал и, видимо, удовлетворившись запахом, сжал его в огромной лапище, выдавив тонкий ручеек влаги, пролившейся в чашку. Поболтав в ней пальцем, тролль добился однородной массы и, не мешкая, принялся поливать кору, спеленавшую Четверга.

– Ты только терпеть, – приговаривал Пуслан, – запах-то у зелья, гр, несносный, зато, гр, смолу и клей разный хорошо растворяет. Ну, повоняешь недельку, гр, повоняешь две недельки, а через три недельки, совсем вонять перестанешь...

Вскоре у гнома появилась возможность шевелиться. Постепенно от смолистой ветки отлепились руки, ноги и, наконец, Четверг оказался полностью свободен. И первым делом он схватился за оставшуюся бороду, которая была отрублена не ровно, а наискосок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.